Инсургенты Ирака-
основные моменты
коротко и ясно

Chronicles
of the
Land Two Rivers

2020/1441

Если начинать разговор об иракском сопротивлении, то нелишне будет вспомнить о том, что это самое сопротивление из себя представляло.

Для этого достали с полки свой старый материал, написанный когда-то для одного дружественного проекта, и решили опубликовать заново, внеся некоторые правки — например более подробно был освещён ряд моментов, которые вызвали вопросы у читателей в прошлой версии публикации. Данная статья по большей части посвящена в общем и целом суннитским группировкам, как более боевым и активным.

В целом же тема инсургентов на войне 2003 — 2011 годов довольно сложная, и почти никогда на постсоветском пространстве подробно, и главное — адекватно, не освещалась, а те материалы что публиковались в широком доступе, вряд ли можно было назвать грамотными. О причинах этого, особенно актуальных, тоже будет сказано. Тем не менее, данная статья — это лишь первая ласточка, и мы приложили все усилия для того чтоб раскрыть тему инсургентов полностью и подробно. Правда для этого статьи окажется недостаточно.

Изначально статья вышла на Islamic Policy

tworiversarchive.com
от корней - к плодам...

Оглавление

Предисловие. Сложности и предрассудки.

1. Вопрос происхождения или инсургентогенез.

2. Немного о повстанцах-шиитах.

3. Инсургенты, Баас и США.

4. Начало большого пути.

5. О том, как инсургенты воевали в Ираке.

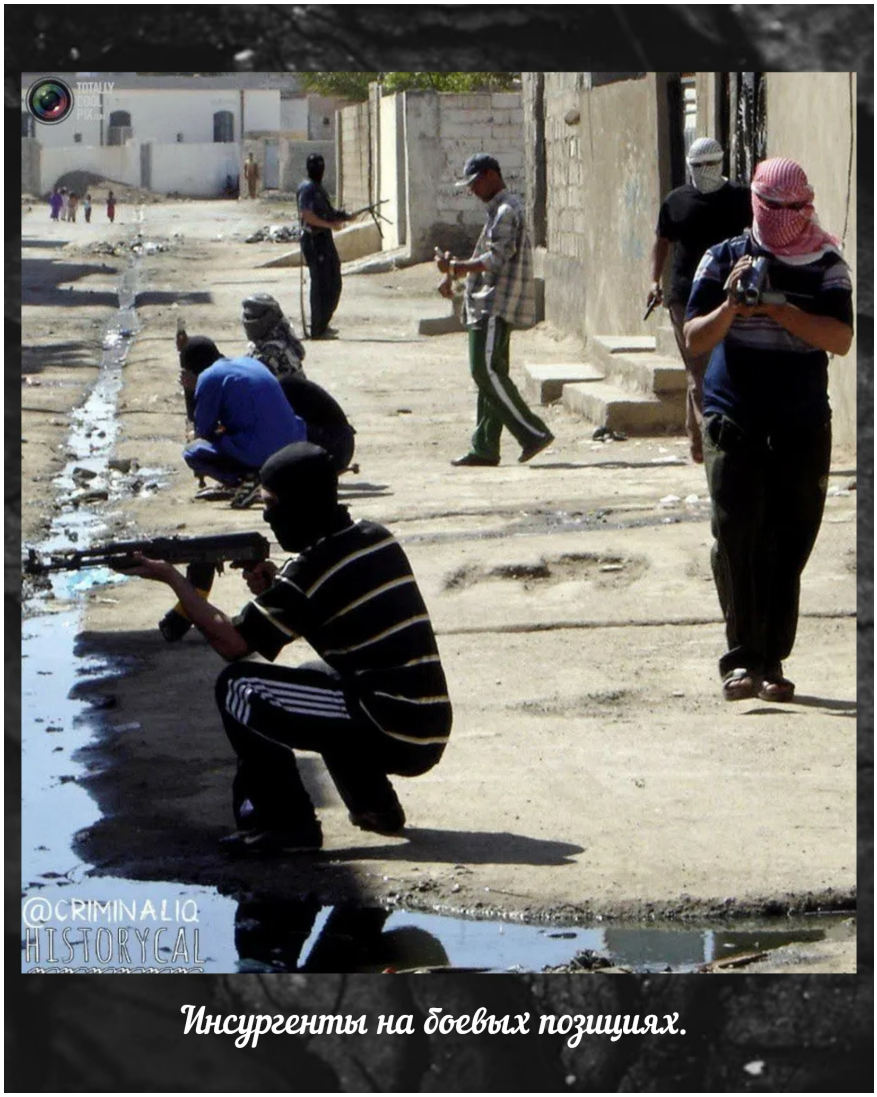
6. «Суварийюн» и «ирхабийюн», разделяй и властвуй.

7. Начало конца.

8. Заключение.

Предисловие. Сложности и предрассудки.

Инсургенты Ирака, они же повстанцы Ирака, они же иракское сопротивление — обобщенное название ряда групп, действовавших преимущественно в 2003-2011 годах против вторгшихся в Ирак войск коалиции США, а некоторые из них — и против иракской правительственной армии. Привлекли инсургенты общественное внимание тем, что несмотря на колоссальную разницу в силах и возможностях, сумели нанести США весьма ощутимый ущерб, и стали одной из основных причин того, что задачи, какие американцы намеревались выполнить в Ираке, так и остались для них недостижимы. Результатом этого стало развенчание мифа о непобедимости войск США и идеальности их демократии, а так же — некоторый пересмотр роли и авторитета США на международном арене в мышлении очень многих

Инсургенты на боевых позициях.

людей.

В некотором смысле подобное положение вещей можно было бы назвать и победой инсургентов, если бы не тот факт, что их движение в 2007-2008 годах оказалось на грани поражения, и на 99% сложившуюся тогда ситуацию можно было бы поражением и называть. Но привела к этому не столько мощь США или хитроумие их военного командования, а в первую очень внутренние слабости и ошибки самих инсургентов, которые сделали их крайне уязвимыми, и большинство из них так и не нашли в себе силы ни исправить их, ни изжить, а те, которые все же смогли это сделать оказались в одиночестве и изоляции.

Несмотря на то, что инсургенты Ирака представляют собой большой интерес как с точки зрения военной, так и с точки зрения исследования и изучения исторических и социальных процессов, да и просто для спокойного обсуждения, для всего этого существует несколько препятствий. Препятствия эти нельзя назвать совсем непреодолимыми, однако зачастую они создают существенные трудности любому, кто возьмёт на себя смелость попытаться разобраться в данном вопросе.

Первая из этих причин, по которой к адекватному рассмотрению данной тематики многие боятся даже подступиться, заслуживает отдельной траурной мемориальной плиты, и имя ей — цензура. В силу сложившихся причин, одна из групп иракских инсургентов, сыгравшая основную роль в событиях 2003-2011, и оказавшая значительное влияние на весь ход войны, пользуется настолько брутальной славой, что одно только ее упоминание может создать проблемы с действующим законодательством многих стран, вплоть до перспективы оказаться под уголовной статьей. Выходят из этого положения кто как может — чаще всего предпочитают писать о неких безликих и обобщенных «суннитских инсургентах» или «повстанцах», вместо того чтоб называть вещи своими именами. Этой традиции будем придерживаться и мы в этой статье — так как она посвящена явлению в целом, а не освещению деятельности отдельных групп (в таком случае это будет не статья, а книга в нескольких томах). Причем ситуация тут хуже чем многие думают, так как в разных странах и на международном уровне сразу несколько групп иракских инсургентов признали террористическими организациями (некоторых правда исключили потом за неактивность), так что тут порой даже и не знаешь, кого можно со спокойной душой упоминать, а кого нет.

Вторая причина — не совсем здравое восприятие событий, сложившееся в разуме многих обитателей СНГ, в силу того, что за освещение вторжения США в Ирак взялась в первую очередь всевозможная национал-патриотическая общественность, видевшая в случившемся, прежде всего, нападение империалистов США на последний оплот социализма в виде Саддама Хуссейна, и все дальнейшие события воспринимались ими в примерно в духе второй мировой войны — встала страна огромная на смертный бой, под знаменем отца и учителя товарища Саддама, и единым строем помчались бить американскую гадину.

Выглядит подобная картина может и привлекательно, но она страшно далека от реальности, в которой не было ни вождя-Саддама, ни единого фронта, да и мотивация бороться с американской гадиной до последней капли крови была отнюдь не у всех, многие участвовали в борьбе из совершенно иных интересов, допускающих сотрудничество и сосуществование с США и их присутствием в Ираке. Так же создаётся полностью неверное впечатление о мотивации и идеологической направленности инсургентов, которых в этой среде было принято преподносить как поголовно сторонников Саддама, хотя на практике этих сторонников было как раз меньшинство.

Неадекватность национал-патриотической общественности не уникальна, на этом поприще ей создают достойную конкуренцию воинствующие фанаты США, доказывающие с пеной у рта, что только лишь «тупые террористы» посещали американцам осчастливить каждого иракца демократией. Говорить с этими людьми бесполезно, однако их мнение отражает еще одно заблуждение — не американцы начали применять жестокие меры по причине инсургентов, а скорее наоборот, инсургенты развились в мощное движение именно благодаря неоправданно жестким мерам американцев, чему примером служит хотя бы та же самая история с тюрьмой Абу Грейб.

И раз уж мы указали на заблуждения, то сейчас постараемся рассказать о том, как же на самом деле все обстояло.

1. Вопрос происхождения или инсургентогенез.

Идеологически и морально инсургенты Ирака родились на свет в последние годы правления Саддама Хуссейна. В это время режим Баас фактически скончался сам по себе, факт скорой американской агрессии был налицо, и люди все больше приходили к мнению, что случись чего, им придется надеяться не на режим, а на самих себя. Данный процесс являлся следствием общей деградации систем местного управления, длившейся с 1991 по 2003 год, когда населению выдвигалось лишь одно требование — не выступать против власти, в остальном же оно и со своими проблемами было предоставлено само себе. В таких условиях крепли связи неформального характера, такие как племенные, внутриконфессиональные и просто родственные и дружеские, что впоследствии подтолкнуло людей к самостоятельной организации в военное время, когда какая бы то ни было организующая сила сверху перестала существовать.

Также в последние годы правления Саддама было принято роковое впоследствии решение найти в сложные времена особую духовную скрепу для народа, а заодно поправить покосившуюся общественную мораль — этому должно было способствовать насаждение религии, естественно под бдительным надзором властей и исключительно в государственных интересах. По крайней мере так предполагалось, в действительности же данный процесс вышел из-под контроля с самого начала, учитывая что религия и ее деятели играли что среди шиитов, что среди суннитов далеко не последнюю роль, несмотря на то что Ирак формально считался светской страной. Каждый начал проповедовать что ему нравится, и далеко не всегда — во славу действующей власти. Открыто выступать против Саддама многие не спешили, скорее факт его наличия просто игнорировали, считая неизбежным падение его власти в самое ближайшее время. Результатом стало наличие интересующихся религией в самых разных слоях общества, даже внутри органов государственной безопасности, Ислам стал оказывать на жизнь суннитской части Ирака все большее влияние, так что после падения национал-социалистов Баас, количество групп инсургентов светской националистической или про-баас направленности достигло несущественного минимума. Большую часть суннитского повстанчества составляли те, кто уверял в своей приверженности к Исламу и ведению джихада. В действительности же это не мешало очень многим смешивать джихадисткие идеи с национализмом, патриотизмом, демократией, светской

Саддам Хуссейн – до падения, и после.

конституцией и неизвестно с чем ещё. Уравновешивали эту массу немалое количество чистых джихадистов, ведущих борьбу за шариатское правление без демократий и конституций, распространение которых в Ираке потихоньку

началось после 1979 года, когда Саддам, взяв в руки единоличную власть, прекратил гонения на суннитскую религиозную общественность.

Конечно он не делал этого из симпатии к джихадистам и радикальным религиозным течениям, и забегая вперед, дабы развенчать многочисленные мифы, сразу скажем — Саддам никогда не относился благожелательно ни джихадистам, ни радикалам, никаких реальных доказательств тому нет, скорее наоборот, опасался их. Причина была гораздо более прозрачной — его предшественник, президент Ахмад аль-Бакр видел Ирак как безусловно светское государство, в силу чего подвергал гонениям всех более-менее имеющих влияние религиозных деятелей, особенно тех, кто принимал активное участие в общественной жизни. Поскольку священнослужители, как суннитские, так и шиитские, имели большое влияние на людские массы, то в народе зрело недовольство, и Саддам считал, что прекращение преследований и доброе отношение к Исламу и религиозным деятелям дополнительно укрепит его авторитет в стране. Отчасти оно так и случилось. Ему удалось добиться если не лояльности суннитского и части шиитского духовенства (в отношении шиитов все было очень сложно после начала ирано-иракской войны — в них зачастую видели «пятую колонну» Ирана), то хотя бы отсутствия открытого конфликта. Правило было простым — де-факто дозволялось все, кроме открытых призывов против власти, нападений на ее представителей, нарушению ее распоряжений и тому подобных действий. Совершившие же подобное карались, в основном по соответствующим статьям местного уголовного кодекса. Выделить религиозный радикализм в отдельное правонарушение попытались только в самые последние годы саддамовского правления, и то не очень удачно, наверное ввиду отсутствия ясности что как таковой классифицировать.

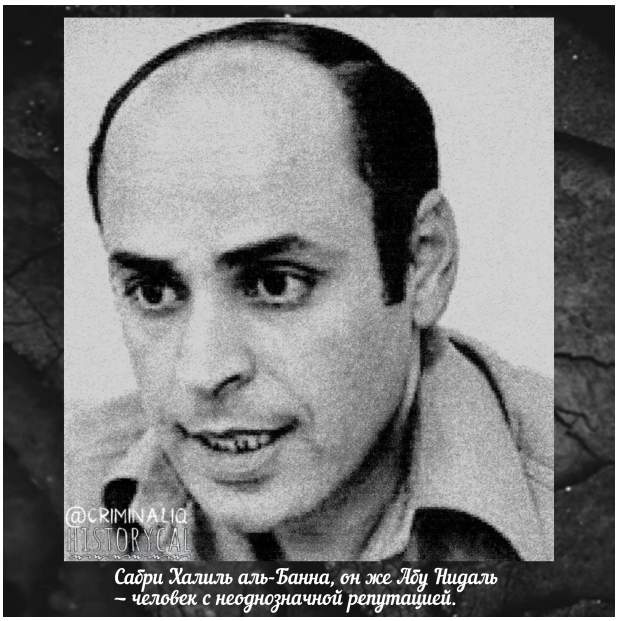
Данными лазейками вовсю пользовались проповедники, ведя призыв без риска для себя, убеждая в увольнении со «службы у тагута» и создании общин единомышленников. Народ внимал, увольнялся с армии, полиции и спецслужб, сбривал усы, отращивал бороды и сидел тихо. До поры, до времени. А когда пора и время настали, все очень удивились количеству подобных людей в вроде бы “светском” Ираке (который впрочем никогда особенно светским-то и не был) и сочинили немало конспирологических теорий о их возникновении.

Влияние возымели и отголоски имиджа Ирака как государства, ведущего прямое противостояние с Израилем и США, и лояльно настроенного к тем, кто этой борьбой занимается — выражалось это и соответствующей риторикой, и тем, что Ирак давал приют многим деятелям палестинского сопротивления. Поэтому антиамериканские настроения глубоко укоренились в обществе, что в свою очередь способствовало интересу к радикальным призывам к «сражению с неверующими» и желанию принять в таковом участие, или хотя бы поддержать тех, кто его ведет. К этому добавился и другой фактор — известия о скором вторжении США распространилась среди ближневосточного народонаселения, и страна превратилась в точку притяжения для недовольных США и желающих повоевать с ними. Ещё одним фактором были санкции США, из-за которых в

Ираке не действовал международный розыск и международные спецслужбы, страна превращалась в своего рода «серую зону», где можно было спокойно залечь на дно. И потому некоторое количество подобных персонажей скопилось в начале нулевых годов в Багдаде, где они активно устанавливали знакомства между собой и между местными единомышленниками.

Частично иракские власти были в курсе возможного обитания у них некоторых подозрительных и очень подозрительных личностей, однако активно мер в отношении этого не предпринимали. Опять же не из симпатии и сочувствия, во-первых из-за административной слабости и общей деградации аппарата, во-вторых, потому что они были вне поля их деятельности, как бы то странно не звучало. Начиная с 90стых годов силы безопасности специализировались прежде всего на охране режима и предотвращению покушений на Саддама, поэтому отслеживали влиятельных лиц внутри самого режима, кто мог бы решится на госпереворот, а возможные террористы, направленные против США, не казались им опасными, достойными ареста и задержания — до тех пор, пока на территории Ирака они никаких нарушений не совершали. А они практически вплоть до начала войны жили спокойной и размеренной жизнью, а иракские правоохранительные органы в ответ на заграничные запросы писали что «не располагают данными о нахождении указанных лиц на территории Ирака».

Вольготной жизни настал конец во второй половине 2002 года, когда желая предотвратить войну, Саддам мало того что решил допустить в Ираке инспекторов МАГАТЭ, но еще и взяться наконец за злостных нарушителей. Зачистку начали с самых одиозных персон, в ту пору прописавшихся в Ираке, и первым на очереди оказался проживающий в Багдаде легендарный палестинский террорист Сабри Халиль аль-Банна, более известный как Абу Нидаль. Хоть он и заслуживает отдельного и весьма объемного повествования, мы поговорим о нем кратко.

Сабри Халиль аль-Банна, он же Абу Нидаль – человек с неоднозначной репутацией.

На момент 16 августа 2002 года саддамовские правоохранители “неожиданно выяснили”, что Абу Нидаль нелегально проживает в Багдаде с 1999 года, въехав в страну из Йемена по фальшивому паспорту, и явились его арестовывать. Абу Нидаль во время разговора об аресте вышел в соседнюю комнату, где и застрелился.

Случившееся стало своего рода сигналом — если ради избежания войны Саддам готов сдать даже свое химическое оружие, то приезжих экстремистов разных толков и направлений он сдаст еще раньше, поэтому все они стали намного более осторожными, из опасений что ими займутся более пристально в надежде угодить американцам. Правда вот в отличии от Абу Нидаля, местоположение которого режиму было прекрасно известно, не факт что их смогли бы идентифицировать и найти.

Впоследствии выдвигались предположения, могла ли быть смерть Абу Нидаля инсценировкой, и если да, то что могло быть с ним потом. Были, конечно, и размышления о том, могли ли ветераны палестинского терроризма оказать влияние на терроризм иракский — но они имели крайне малое отношение к действительности, и по причине идеологической разницы, и потому что, несмотря на некоторое сходство, у методов иракского террора были совсем иные корни.

2. Немного о повстанцах-шиитах.

Вышесказанное применимо прежде всего к суннитским инсургентам, как к основной и наиболее радикальной силе иракского восстания. Однако же существование повстанцев и среди шиитов также является фактом, который нельзя игнорировать, несмотря на то, что в целом их роль была несколько своеобразна.

Сунниты в первую очередь имеются в виду под термином «инсургенты Ирака» в силу того, что они составляли более радикальную, активную, боеспособную и (если брать совокупную численность) более многочисленную часть иракского повстанчества, с суннитскими группами у американцев и возникло больше всего проблем и именно против них была направлена большая часть боевых операций.

С шиитами же ситуация в корне отличалась. Несмотря на то, что случаи столкновения между шиитскими группировками и войсками США имели место быть, надо учитывать то, что в своей основе никаких фундаментальных конфликтов между лицами шиитского вероисповедания и США не было, и не

существовало почвы для них. Вторжение США свергло репрессивный по отношению к шиитским группам и деятелям режим Саддама Хуссейна, подавление шиитского восстания на юге Ирака в 1991 году было признано кровавым преступлением, претензии шиитов, что они являются конфессиональным большинством в стране, но при этом не имеют достойной доли в управлении страной были выслушаны, и приняты к сведению — они и их партии стали основной силой и в парламенте, и во власти, и в силовых структурах. Американцы даже разрешили проведение праздника Ашура, строжайше запрещённом во времена Саддама. Так что американское вторжение для шиитской части Ирака было скорее облегчением, чем проблемой.

Однако далеко не все лица шиитского вероисповедания автоматически согласились считать США хорошими. Часть из них считала что американцы, исполнив благое дело по свержению Саддама должны уйти из Ирака как можно быстрее, передав всю полноту власти состоявшему из них новому правительству страны. Конфликты и претензии также вызывало пренебрежительное, а то и насмешливое и презрительное отношение военнослужащих США к верованиям и традициям шиитов. Также шииты, подозреваемые в связях с режимом Саддама, были и среди узников Абу Грейб и других тюрем, где практиковалось насилие над заключенными, что сильно подогревало их недовольство — особенно простых людей, кто не принадлежал к группировкам и партиям, наконец дорвавшимся до власти.

Ситуацию обостряло и наличие конкуренции между шиитскими предводителями и священнослужителями, каждый из них хотел занять более высокое место. Одним из самых обделенных оказался Муктада ас-Садр, сын аятоллы Мухаммада Сиддика ас-Садра, одного из ведущих лидеров шиитов Ирака. Род их был настоящей династией шиитских религиозных деятелей — и отец, и дед Муктады были аятоллами, а вот у их сына и внука с карьерой дело не заладилось. В 1999 году Мухаммад ас-Сиддик и двое его сыновей были убиты в городе Наджаф. По одним версиям, за убийством стояли спецслужбы Саддама Хуссейна, из-за того что семейство ас-Садр занимали проиранскую позицию, по другим версиям, всему виной была разборка за власть и влияние между Мухаммадом Сиддиком и аятоллой Али Систани. Муктада при этом не присутствовал, в силу чего остался жив, но угодил в тюрьму, из-за чего не смог получить религиозного образования. На аятоллу он выучился только в 2009 году. Однако он унаследовал не только огромное имущество отца, но и немалые амбиции.

Недоволен был не только Муктада, обострилась в целом конкуренция среди шиитских предводителей — они вернулись из эмиграций и начали требовать свою порцию пирога власти. Более всего не повезло вернувшемуся из Лондона Абдуль Маджиду аль-Хаийи — его зарезали в Наджафе люди, предположительно причастные к Муктаде. Затем под раздачу попал такой авторитет, как Мухаммад Бакир аль-Хаким, раздражавший своей деятельностью массу народа. Он был главой созданного в 1982 году в Иране т.н. «Верховного совета исламской революции в Ираке» (ВСИРИ или SCIRI — как кому больше

нравится, вторая аббвиеатура более старая и более привычная), созданного из шиитских граждан Ирака, сражавшихся за Иран против Саддама Хуссейна во время ирано-иракской войны (среди которых были такие известные персоны как Хади аль-Амири, Абу Махди аль-Мухандис, Нури аль-Малики и многие другие) неоднократно призывал к свержению режима Баас с помощью США (или без нее) и стоял за многими нападениями и атаками в Ираке, произведенными в 1980 — 2003 годах боевиками принадлежащей к SCIRI Организации Бадр, в число которых входило даже покушение на сына Саддама Удея Хуссейна. Так же Мухаммад Бакир аль-Хаким придерживался шовинистических взглядов по отношению к суннитам как на религиозной, как и на политической почве, считая их главной опорой режима Саддама Хуссейна. Подобная репутация привела к тому, что в глазах суннитов Ирака Бакр аль-Хаким давно и прочно считался безусловным врагом. Масла в огонь подлили и его заявления после возвращения в Ирак — он не одобрял напрямую приход американцев, но тем не менее провозгласил, что сопротивляться США допустимо только лишь политическими методами, без применения насилия. Потом, как мы увидим, вооруженное крыло SCIRI, известное как Организация Бадр дошла вообще до того чтоб служить в оккупационных американских силах и органах, но это уже совершенно другая история.

Подобной позиции и придерживался аятолла Али Систани, который издал фетву о том, что сопротивляться вторжению США допустимо лишь политическими методами, и призвал шиитские группировки сложить оружие (как говорили злые языки, якобы за эту фетву Систани получил от США 200 миллионов долларов). Фетва эта американцам очень помогла, так как разоружилась та самая Организация Бадр в которой насчитывалось, по примерным оценкам, от 50000 до 100000 бойцов. Если бы они начали воевать, то возможно что оккупация США закончилась бы, не начавшись.

Вряд ли Бакир аль-Хаким и аятолла Али Систани сильно любили США и их военные силы, в первую очередь они думали о своей выгоде, и о том что военное присутствие американцев и их защита помогут им укрепиться у власти, в противном же случае наиболее вероятным было столкновение с суннитскими группировками и сторонниками Саддама Хуссейна, которое бы переросло в кровопролитную войну с неизвестно каким исходом. В этом раскладе США были важным союзником, которого не стоило терять.

История же Мухаммада Бакара аль-Хакима завершилась тем, что закрепление за ним образа врага суннитского населения его и погубило. 29 августа 2003 года его взорвали суннитские инсургенты перед мечетью имама Али в городе Наджаф. Как гласят слухи, единственное целое что от него осталось — это рука с перстнем.

После того как то, что осталось от Бакира аль-Хакима похоронили с почестями, а его убийц заклеймили террористами (в чем собственно и были правы — там такие террористы были, что клейма негде ставить), карьерные шансы для Муктады несколько увеличились, но мешали молодой возраст, отсутствие

религиозного образования и такого же авторитета, каким пользовались его более старшие конкуренты. И потому он решил пойти другим, единственно доступным путем — народного популизма, угождения начальству и самого банального шантажа. Проведя переговоры с США, он получил право взять под свою опеку некоторые из районов Багдада и Наджафа, где за счёт унаследованных от отца средств взялся наводить подобие порядка. В том числе и в трущобном районе Саддам-сити, переименовав честь отца в Садр-сити, каковое название он носит и поныне. Попутно Муктада вербовал шиитское население в свою военно-политическую организацию, названную «Армия Махди».

Исторически сложилось, что на первом этапе своего существования Армия Махди занималась разборкой мусорных куч Багдада и Наджафа, а Муктада летом 2003 года предлагал американцам свою помощь в поимке Саддама Хуссейна и призвал своих сторонников в случае обнаружения ими президента Ирака поймать его и сдать куда следует. Однако политический климат в Ираке менялся. Многие начали считать, что США на Земле Двух Рек слишком уж загостились, следом прошла кампания массовых арестов и пыток в тюрьмах. Народное недовольство нарастало среди обоих конфессий, и то что их представители пришли к власти, многих лиц шиитского вероисповедания морально грело все меньше и меньше. Муктада обладал довольно тонким политическим чутьем, и он понял — вот он, шанс! И начал допускать антиамериканские высказывания.

Как и любому, претендующему на то, чтоб быть революционером, выпала Муктаде участь пострадать от недостаточной свободы слова — в марте 2004 года оккупационные власти закрыли офис одной из издаваемых им газет. В ответ сторонники Муктады вышли на демонстрацию. 4 апреля, почти одновременно с началом боёв в суннитском городе Эль-Фаллуджа, начались первые стычки Армии Махди с оккупационными силами США. Именно так было положено начало шиитскому восстанию на юге Ирака, бушевавшему с апреля по август 2004 года.

Историю боёв американских военнослужащих с Армией Махди мы более подробно рассмотрим несколько позже, пока же более основательно остановился на позиции самого Муктады, поведение которого больше напоминало торг и шантаж, чем боевые действия. Достигнув каких-либо успехов, этот вождь шиитских народных масс тут же объявлял перемирие, начинал переговоры, где пытался обменять достижения на что-то выгодное для себя, и как только обмен происходил — отказывался от всего, что ему удалось достигнуть. Впоследствии из-за этого Муктада стал объектом насмешек и утратил часть авторитета, но… но тогда, жарким летом 2004 года он смотрелся действительно эффектно.

Пример Муктады является самым ясным отображением того, чем являлась шиитская повстанческая деятельность в Ираке — своего рода силовым торгом с американцами и их ставленниками, где пытались приобрести что-то выгодное для себя.

Надо заметить, что Муктаде мало что угрожало за его действия. Его никто не спешил убивать, ликвидировать, сажать в тюрьму. Он спокойно жил у себя дома под охраной, и не был ущемлен в чем бы то ни было. Его миновала романтика конспиративных подвалов, беготни от армии и полиции, прыжков из машин на полном ходу, ожидания беспилотника с неба и прочего стандартного быта инсургента. Возникает закономерный вопрос — а представляла ли в таком случае его деятельность реальную угрозу для США и устанавливаемого ими порядка?

Вторая волна шиитской повстанческой деятельности началась в 2006-2007 годах, когда конфликт вспыхнул уже между США и Ираном, в процессе которого иранцы решили задействовать своих единоверцев в Ираке, используя недовольство лиц шиитского вероисповедания подчинённого положения у американцев. Именно тогда пришла пора таких групп, немалую роль в их подготовке, вооружении и поддержке которых сыграл Иран. Данные группы причисляли себя к т.н. «оси сопротивления» против США и Израиля, и, используя сложившийся к тому времени образ иракского повстанчества, преподнося себя как единственно истинных повстанцев, хотя часто доходили до того, что крали видеоролики суннитских групп и выдавали их за свои.

Своей главной целью эти группы называли изгнание оккупантов из Ирака путем атак на американских, британских и других военнослужащих коалиции, так же они предполагали установление в Ираке правления, похожего на то, что было в Иране — однако против правительства Ирака они не выступали, предпочитая продвигать подобные инициативы мирным путём, через выборы и участие в политическом процессе. В силу этого они так же в период после 2007 года воспринимались американцами меньшей опасностью, чем некоторые суннитские инсургенты, которые вообще стремились свергнуть правительство

Ирака как ставленников оккупантов. Также эти группы не стремились слишком обострять конфликт с американцами — ровно настолько, насколько этого требовали интересы Ирана. И, как мы уже упоминали выше, никакой экзистенциальной вражды у шиитских групп с США не было ввиду отсутствия причин к таковой.

В большей части таких конфликтных ситуаций с шиитскими группировками США были настроены на компромисс так как шииты были их главной опорой и главными союзниками в Ираке, и сильно портить с ними отношения американцы не спешили. Что не означало того, что они полностью отказались от каких-либо планов наказания за эти атаки — но конечно в куда меньших масштабах, чем когда дело касалось суннитов.

3. Инсургенты, Баас и США.

Первые сведения о существовании инсургентов в Ираке до широкой общественности дошли в апреле-мае 2003 года, и на тот момент это преподносилось в основном как действия остатков армии Саддама Хуссейна, или подготовленных заранее партизанских соединений. Для апреля и мая 2003 года это мнение было предсказуемым и вполне логичным, но проблема в том, что оно же во многих кругах является популярным и единственно допустимыми по сию пору. Даже сейчас, когда казалось бы все уже давно понятно, все равно находятся пытающиеся вывести генеалогию той или иной группы от саддамовского режима, и чем идейно, идеологически и политически эта группа дальше от Саддама, тем с большим усердием пытаются доказать их родство. Что сродни процедуре натягивания совы на глобус.

Поэтому пришла пора раскрыть глаза на один из самых главных мифов на постсоветском пространстве — степень причастности режима Саддама к иракскому повстанчеству.

И внесем сразу же ясность — это вопрос далеко не однозначный. Как не следовало преувеличивать степень влияния режима Саддама на иракское повстанчество, так и полностью это влияние исключить так же нельзя. Рассматривать эту тематику следует исключительно с позиции фактов, и придерживаться картины, которая будет в итоге. Ничего лучшего мы предложить не можем, по причине крайне малого количества информации на сей счет как в публицистике, так и в научной среде (разные высосанные из пальцев сомнительные сенсации и конспирологические теории мы конечно же во внимание не берём, потому что они не только голословны целиком и полностью, так ещё и реальные факты им противоречат).

Наверное рассказ о преувеличении влияния режима Саддама Хуссейна на инсургентщину для наиболее быстрого отрезвления умов следует начать с того, что оно было одной из ключевых ошибок США в 2003 году. Бросив все силы на поиск и задержание президента Ирака, посчитав что с его арестом все атаки тут же прекратятся, американцы отвлеклись от куда более важных задач, таких как например профилактика народного недовольства и мятежных настроений. Случилось это из-за ошибочного предположения, что центром мятежа является именно режим Баас, в то время как в действительности за происходящими событиями стояли другие люди, с совершенно другими проблемами, такими как увеличение рядов своих фракций, приобретение народной поддержки и популярности в глазах людей, или просто банальное выживание, а Саддам занимался тем, что скрывался где-то в окрестностях Тикрита вплоть до декабря 2003 года, пока его не изловили американские военнослужащие. К их удивлению, арест «кровавого диктатора» никак не сказался на инсургентской активности, скорее даже наоборот — она пошла в рост.

А если серьёзно, то удивляться подобной убежденности США не стоит, и этой ошибки на самом деле сложно было не допустить, поскольку предположение, что инсургенты были заранее подготовлены, обучены и снабжались режимом Баас и его спецслужбами на тот момент выглядело гораздо более убедительно, чем версия о том что они являются народной самодеятельностью. Таким же более убедительным и логичным было и мнение, что партизан возглавляют военные специалисты, а не просто инициативные личности из числа простого народа. Это уже очень сильно потом стало понятно, что отбрасывать эти две версии тоже не следовало, потому что по факту именно они оказались гораздо ближе к действительности.

В реальности получилось следующее — все факты указывают, что инсургенты возникли как сращение новых лиц, новых возможностей, новых идей с уже существующими аппаратными, организационными и ресурсными возможностями, которые по сути достались в наследство от режима Саддама Хуссейна. Также среди инсургентов в немалом количестве присутствовали бывшие работники саддамовских силовых ведомств, бывшие члены Баас и другие люди, так или иначе непосредственно связанные с прошлым режимом — оставшись без прежнего руководства они были предоставлены сами себе, и вступление в какую-либо партизанскую бригаду для многих из них стало вполне логичным исходом, так как воевать против тех, кто лишил их всего, все же хотелось.

Конечно, прочтя это, не стоит спешить делать вывод раньше времени, дескать все, режим Саддама к иракскому восстанию очень даже причастен — раз там были бывшие его сотрудники. Не все так просто.

Для верного понимания надо рассмотреть хронологическую суть происходящего, с момента взятия силами США Багдада и фактического падения власти Баас в Ираке. Многие предшествующие тому события и то, что было после, определились тем фактом, что почти все высшее командование

саддамовских военных сил и органов и значительная часть среднего командного состава, похватав заранее припасенные деньги и вещи, уехала в эмиграцию в Ливан и Иорданию, или пошла сдаваться американцам, заявив что собирается сотрудничать с их режимом, бросив на произвол судьбы младших офицеров и рядовых солдат, оставшихся полностью ослепленными и дизорентированными. Люди или массово попадали в плен, или же сняв форму и спрятав оружие, возвращались домой к своим семьям. У многих сложилось мнение, что высшее руководство страны их просто-напросто предало, а командование было полностью некомпетентно и состояло из одних предателей. Так возникло огромное разочарование и в самом Саддаме, и его аппарате. Впоследствии многие из этих людей оказались в рядах фракций инсургентов, где воевали за освобождение Ирака от оккупации, за исламистские и джихадистские идеалы, просто ради того чтоб выжить и быть при деле — но никак не за реставрацию режима Саддама и прихода к власти тех, кто уютно сидел в заграничной эмиграции. Такого вопроса на повестке дня вообще не стояло.

Американцы захватили Багдад почти без боя –
из-за предательства командования и лиц, приближенных к Саддаму Хуссейну.

Важный аспект вопроса — это лично-оценочное отношение групп инсургентов к Саддаму и Баас. Несмотря на то, что многие фракции в той или иной мере пытались заигрывать с идеями Баас и ностальгией по правлению Саддама, а разные мелкие группы вообще напрямую провозглашали свою поддержку и преемственность, «топовые» фракции, которые сами по себе имели силу и

влияние, относились к Саддаму Хуссейну или умеренно-негативно, или полностью негативно, причем даже те, кто относил к себя к светскому национализму. Так например многие участвовавшие в политическом процессе фракции, как например Исламская Армия Ирака, были сторониками «умеренной дебаасификации», то есть выступали против непосредственных репрессий бывших баасистов, но предлагали остаться в рамках ограничения на работу и поражения в политических правах.

На радикальном же фронте, где никогда ни в каких политических процессах ни сном ни духом не участвовали, мыслили и высказывались куда более экстремально, оптом посчитав что партия Баас, и все, кто разделяет их убеждения и считает их правильными, не являются вообще мусульманами. Но что удивительно, вместе с этим радикальный фронт прославился наверное самым гуманным во всем Ираке отношением к непосредственно к людям, ранее принадлежащих к режиму Саддама и его силовым структурам. Для того чтоб такого оставили в покое и не подвергали никаким преследованиям, было достаточно покаяться в баасизме и отречься от него, а при условии прохождения экзамена на знание исламских доктрин и заучивания наизусть трёх частей из Корана, можно было вступить и непосредственно в ряды группы, на общих основаниях со всеми остальными бойцами.

Подобное отношение было одной из причин, сделавшее радикальное крыло иракских инсургентов привлекательным для многих бывших военных и бывших сотрудников спецслужб — если они прощались со своими былыми убеждениями и взглядами на жизнь. Прямо-таки массового вступления зафиксировано не было, но были и те, кто все же присоединился, и сам факт, что они там обосновались, многим сторонним наблюдателям показался достаточным для того, чтоб заподозрить сопричастность Саддама Хуссейна к радикальному иракскому джихаду, нисколько не смущаясь тем, что радикальный джихад к Саддаму и его режиму относился крайне враждебно, а часто не принимая во внимание даже прямые факты, указывающие на это. Один из них приведен выше — присоединение к джихадистам было возможно только путем полного разрыва с прошлым и покаянием, и никто иной просто бы не прижился в их рядах.

Покончив с обзором расхожих в народе глупостей, плавно переходим к серьезным вещам. Имели ли спецслужбы Саддама Хуссейна отношение к формированию инсургентского подполья, и создали ли они почву для деятельности этих групп? Все это относится к разряду открытых вопросов, потому что нет никаких подтверждений подобным утверждениям, но в то же время нет оснований полностью исключить чего-то подобного, как например наличие каких-то отношений с будущим руководством наиболее светских или умеренно-исламских фракций. Но трудно, а точнее — совершенно невозможно судить, насколько далеко зашел этот процесс (и был ли он вообще?), как в целом так и в отношении отдельных личностей. Среди военных и работников сил безопасности могли быть те, кто помогал тем или иным инсургентам из идейных или практических соображений — например, некоторые из них могли

полагать, что в случае войны режим Саддама долго не выстоит, и им придется искать новые силы, готовые участвовать в политической жизни страны, и потому могли в довоенные времена оказывать определенную поддержку будущим инсургентам, на уровне личной инициативы, но не общей политики режима. Вот только все это — не более чем предположения, возможно что достаточно обоснованные и близкие к правде, но фактов и подтверждений слишком мало, недостаточно, чтоб что-то утверждать и строить какие-то версии, не говоря уже о том, чтоб преподносить это как устоявшиеся факты — что к сожалению делают многие исследователи и публицисты, тем самым вводя людей в заблуждение.

Если мы коснемся фактов, то они как раз говорят об обратном. Одним из явных признаков, что фракции инсургентов не были созданы режимом Саддама Хуссейна «сверху», а сложились в результате самостоятельной работы и организации является их изначальное возникновение в виде основного идейного ядра, численностью от нескольких человек до нескольких десятков человек, и весь первый этап своего существования они посвятили наращиванию численности через привлечение потенциальных сторонников и добыванию ресурса для дальнейшей деятельности. Это ясно говорит прежде всего об отсутствии централизованного распределения живой силы по фракциям (т.е это были не военнослужащие, получившие приказ стать партизанами), и об отсутствии снабжения всем необходимым, так как недостаток оружия и денег всегда был одной из главных проблем инсургентов, и проблему эту они решали самостоятельно, и далеко не всегда удачно для себя. Если бы иракское сопротивление действительно имело бы централизованный источник командования и снабжения, будь то режим Саддама Хуссейна или кто-то еще, оно не столкнулось бы с таким количеством проблем, и судьба бы его сложилась совершенно иначе, причем гораздо более успешно.

В отсутствии единого руководства, снабжения и плана формирования, судьба инсургентов на начальном этапе их существования могла бы сложиться совсем печально, если бы не… США. Заняв Багдад в апреле, американцы распустили саддамовскую армию и полицию, и приступили к формированию местных управлений и сил правопорядка только в июле-августе 2003 года, а до этого пытались надзирать за происходящим исключительно силами своих военнослужащих и военной полиции, какие оказались весьма скудными — не знающие языка, местных особенностей и обстановки американцы арестовывали кого попало, и часто бывали обмануты как раз теми, кто представлял реальную опасность. Это привело к анархии в стране, эпидемии мародерства, расхищения имущества, преступлениям и насилию по отношению к мирным жителям и расцвету криминала, который как раз в 90стые годы вместе с введением санкций и пошел в Ираке в бурный рост. Подобная атмосфера позволила новорожденным фракциям инсургентов закрепиться на почве, запастись оружием и кое-каким нужным имуществом — во многом за счет экспроприаций с оставшихся без присмотра военных складов. Военнослужащие США конечно

пытались пресечь грабежи и нелегальную торговлю оружием, но им удалось зачистить только очень небольшой сегмент этого рынка.

Стоит упомянуть и то, что в этом моменте командование США допустило ещё одну ошибку — к подпольным торговцам оружием относились исключительно как к криминальному элементу и нарушителям закона, в то время как многие из участников этого бизнеса напрямую относились к фракциям инсургентов, причем к отнюдь не умеренным. Если их и арестовывали, то достаточно быстро освобождали, и редко когда смотрели, чем именно занимается человек кроме как оружием, и главное — для чего ему деньги? Многие инсургенты пользовались этим так же для того, чтоб маскироваться, если дома у кого-то находили целый арсенал, то всегда можно было выдать себя за торговца оружием и отделаться лёгким испугом.

Второе, что помогло инсургентам — это карательная политика американцев и злоупотребления в тюремной системе, такие как уже упоминавшиеся события в Абу Грейб. Это ясно говорило иракцам о том, что США пришли не демократию внедрять, а убивать и мучить местных жителей. В результате чего в численный рост инсургентские фракции пошли именно тогда, когда пытки в тюрьмах стали делом привычным и массово распространенным.

Несправедливость и жестокое отношение к мирным жителям заставили многих возненавидеть США и присоединиться к инсургентам.

Весьма значительным фактором для суннитской среды стала ксенофобия по конфессиональному признаку по отношению к лицам шиитского вероисповедания. Она существовала с давних пор, и время от времени переживала периоды обострений, когда конфликт выходил в широкие массы за пределы недружелюбно настроенных радикалов с обоих сторон. Долгое время это был сравнительно тихий, сравнительно мирный и сравнительно безопасный процесс, вплоть до наступления 1980 годов, когда ирано-иракская войны впервые за долгое время вывела конфликт за пределы религиозных споров и дискуссий и довела до взаимного пролития крови. С тех пор среди шиитов начали распространяться мнения, что их сунниты и Баас притесняют, а среди суннитов — что их шииты и Иран хотят со свету сжить. Вторжение США, свержение Саддама, назначение везде и повсюду в Ираке шиитской оппозиции и опора в первую очередь на шиитов разбудили во многих суннитах самые худшие опасения. Видя теплое отношение новой власти в лице США к шиитам, они понимали, что со стороны государства и органов не приходится ждать никакой защиты. Оставалось полагаться только на собственные силы, или же силы суннитских народных организаций. Среди упущений США можно так же назвать и то, что они чрезмерным заигрыванием с шиитами и курдами изначально дали понять суннитскому населению, что на доброе отношение надеяться бесполезно.

Но надо учитывать, что у США были все основания сомневаться в лояльности суннитов. Как считалось, во время Саддама большая часть высшего военного командования, органы госбезопасности (главная опора режима и самые доверенные люди) состояли из суннитов, из суннитов набиралась Республиканская гвардия, и в силу этого они в глазах американского командования стали самым подозрительным слоем населения. Позднее появление многочисленных групп суннитских инсургентов, причем настроенных крайне агрессивно, только укрепили американцев в их мнении.

Не учли американцы и исторические реалии здешних мест, и сделали это совершенно напрасно, так как даже события тринадцатого века могут иметь довольно значительное влияние на современное мировосприятие народа. В Ираке поколениями из уст в уста передавалась память о страшном событии, ставшем катастрофой для Земли Двух Рек — захвате Багдада монголами, среди которых на тот момент имели большое влияние христиане-несторианцы, при помощи шиитов. Город, на тот момент являвшийся одной из мировых столиц был разграблен, почти все его жители убиты, оказалось разрушено культурное и интеллектуальное наследие. На много лет Багдад превратился в кучу развалин. Так же захватчики разрушили работавшую тысячи лет систему каналов и ирригационных сооружений, в результате чего Ирак из земли плодородных пашен и садов превратился в тот, каким мы его знаем теперь — засушливую землю полупустынь и пустынь, где бушуют песчаные бури.

И вот во время американского вторжения многие стали очень активно проводить параллель — новые монголы и крестоносцы (США) захватили Багдад при помощи шиитов, прям как тогда, в 1258 году, и ждут нас бедствия не

меньшие, чем в то время. Причем, что печально, данный прогноз полностью оправдался — разруха, в которой Ирак погряз после войн 1991 и 2003 годов, и в которой пребывает до сих пор, мало чем отличается от бедствия 13 века.

Американцы не только отлично вписались в вышеупомянутый негативный сценарий в качестве отрицательной стороны, так они его еще и реализовали в самых мрачных тонах, чем выстроили немало ассоциаций, заставив воспринимать себя как естественного, природного врага.

Из этого скорее напрашивается вывод, что инсургенты пошли в рост не благодаря поддержке от режима Баас, а из-за ошибок, допущенных США и собственных попыток обратить эти ошибки себе на пользу. Что же касается централизованного «системного» сопротивления, которое Саддам действительно пытался организовывать в последние годы своего правления, формируя такие организации как «Федаины Саддама» (о них мы опять же подробно расскажем потом), то все они развалились после массового бегства командования и руководства в апреле-мае 2003 года. В итоге тем, кто желал сопротивляться, приходилось примыкать к «внесистемным» фракциям инсургентов, как уже говорилось выше.

В качестве доказательства того, что инсургенты не имели к этому централизованному сопротивлению уж совершенно точно не имели ни малейшего отношения, можно привести тот факт, что централизованность среди них отродясь не ночевала. Разброд и разобщенность преследовали иракских инсургентов наверное с первого дня их возникновения, и прежде всего проявился он в идеологическом разнообразии фракций, в разнообразии их стратегий и мнений о том, как и с кем надо воевать, и в отсутствии общей позиции даже по самым ключевым вопросам. Еще одним из его проявлений было огромное количество фракций-однодневок, существовавших или в виде заявлений для прессы, или же исчезнувших после проведения одной или двух акций.

Объяснить такое положение можно несколькими причинами:

1. Возможно, часть однодневных фракций была как раз остатками централизованного подполья, подготовленного ещё до войны (тем более что часть из них высказывали просаддамовские настроения в своих прокламациях) но впоследствии, столкнувшись с отсутствием командования, снабжения, и просто оказавшись брошенными, эти группы прекратили свое существование.
2. Возможно что сообщения и заявления от таких групп были недостоверными «вбросами» от охотников за сенсациями, или же от тех, кто хотел создать видимость присутствия в Ираке многочисленного подполья.
3. Возможно что часть этих групп была арестована или уничтожена американцами, из-за плохой подготовки, конспирации или же от предательства.

4. Так же возможно, что часть этих групп вошла в состав более крупных и сильных фракций.

Не обошлось конечно же без естественного отбора, выживали в первую очередь те группы, кто обладал более вменяемым руководством, материальным ресурсом, хорошей подготовкой и более-менее ясной стратегией, в том числе и за счёт поглощения тех, кто не мог похвастаться ничем из вышеназванного. И этот процесс естественного отбора в иракском подполье шел до конца 2004 года, наиболее активная его часть пришлась на осень-весну 2003-2004. Причем все это происходило вне поля зрения США, поскольку им не хватало ни источников, ни информации о том, что происходит среди инсургентов, а то, что было получено под пытками, было слишком скудным и недостаточным для работы.

Данное обстоятельство оказалось одной из причин того, что США не смогли вовремя обозначить и ликвидировать наиболее опасные явления среди иракских инсургентов, а потом рассеять и обезвредить менее вредных и более безынициативных. Процесс был пущен на самотёк, и американцы даже и не знали с какой стороны браться за ликвидацию повстанчества. И их ошибка заключалась том, что они сделали своим приоритетом борьбу с Саддамом и его режимом, а не с теми, кто мог прийти ему на смену.

4. Начало большого пути.

Отсутствие нормальных мер противодействия привело к тому, что весной 2004 года инсургенты смогли поднять мятеж сразу в нескольких городах, и установить там свой контроль. Особенно громким событием стала Первая битва за Эль-Фаллуджу, в результате которой военнослужащие США, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением и скандалами в прессе из-за большого количества жертв среди гражданских, были вынуждены отступить, передав контроль над городом военной бригаде, собранной из иракских лоялистов — а по факту напрямую инсургентам, потому как собранная из лоялистов бригада по каким-то непонятным причинам повстанцам почему-то симпатизировала больше, чем носителям демократии, и поэтому вскорости морально разложилась, закрыла глаза на происходящее в городе, и хорошо если не помогала ставить взрывные устройства на дорогах — в чем ее обвиняли злые языки.

Данное сражение было важным этапом в развитии повстанческого движения — от простых атак группы перешли к распространению своего влияния и ведению административной деятельности, также они были вынуждены существовать

уже на более-менее регулярной основе, а не в свободное от других дел время, и более серьезно заниматься военной и прочей подготовкой, так как контроль над городами и землями предполагал не только установление придорожных бомб и нападения из засад, но и прямое боевое столкновение с противником.

Инсургенты в городе Эль-Фаллуджа.

США отказались снова в невыгодном положении — им пришлось признать, что в стране существуют независимые от них военные и политические силы, причем эти силы располагают возможностями вмешиваться в местную обстановку и чинить препятствия их армии и политике. А для самих инсургентов это стало перспективным началом и толчком к дальнейшему развитию в качестве не только вооруженных отрядов, но ещё и политических сил, способных свести на нет все усилия США по установлению порядка в Ираке и привести их к явному поражению.

Однако все было не так легко. С одной стороны, США всеми силами пытались предотвратить подобный исход, а с другой — инсургенты отличались административной слабостью, разрозненностью, отсутствием единой стратегии, и полным нежеланием ее формировать, что в итоге и привело с печальному финалу 2007-2008 годов. И этот печальный финал является очередным подтверждением отсутствия единого центра формирования и руководства у партизанских групп — а он бы явно был при организации «сверху». Более того — скорее всего никто в Ираке, ни в саддамовском правительстве до войны, не

среди лидеров самоорганизации после ее начала, не представлял, как именно и в каком направлении должны действовать партизаны в случае вторжения американцев, какой-то общий для всех план с поэтапными целями отсутствовал как класс, что привело к тому что каждый воевал или по своему собственному плану, или вообще без такового, да и цели себе группы ставили совершенно разные.

Отряд инсургентов поет народную песню перед выходом на боевое задание.

Правда было одно исключение — единственный вопрос, в котором инсургенты смогли действовать относительно слаженно, пусть даже на протяжении очень ограниченного времени — это борьба с иностранным вложением в иракскую экономику и инфраструктуру, и попытками ее восстановить. Достигать этого предполагалось похищением иностранных специалистов и требованием к их правительствам вывести из Ирака все коммерческие компании данной страны, а также свернуть любую деятельность, отказ же расценивался как поддержка американской оккупации, желание с ней сотрудничать и пособничество ей. Скорее всего предполагалось, что в результате американцы будут вынуждены отказаться от восстановления инфраструктуры, и тем самым потеряет симпатии населения. Возможно целью было и помещение США в Ираке в политическую изоляцию от сотрудничества с другими странами по иракскому вопросу.

Представитель одной из групп инсургентов оглашает требования к освобождению американских и британских заложников.

Успех этой компании, в которой на удивление более-менее слаженно принимали участие все суннитские группы (причем и сейчас непонятно до конца, была ли это действительно какая-то стратегия, или просто повальная мода) можно оценивать как относительный. Только единицы стран действительно вывели свои контингенты и коммерческие компании из Ирака, большинство же отделалось выкупом в те или иные суммы без ущерба для бизнес-интересов. При этом у инсургентов не было общей точки зрения на то, для чего заложники нужны и что с ними надо делать. Одни группы удовольствовались получением выкупа, а в других случаях дело заканчивалось кровопролитием — за неисполнение условий заложников действительно убивали

Случаи смертоубийства так же стали предметом отдельной информационной войны, где обе стороны в обход общепринятой этики и морали, сосредоточились на том, как бы выгоднее для себя представить ситуацию с очередным трупом. С одной стороны, американцы получили хороший повод представить своих противников-инсургентов как шайку бандитов, которым лишь бы жестоко убивать, с другой стороны инсургенты сообразили, что черный пиар — это тоже реклама. Для освобождения похищенных иностранцев начали выдвигались условия, полные добра и гуманности, такие как прекращение пыток и беспредела в тюрьмах, освобождение заключённых, в первую очередь женщин и стариков, уход иностранных войск из страны. Подобные требования США и находящиеся сильнее всего под их влиянием страны исполнять отказывались под предлогом «неведения переговоров с террористами», в результате чего заложники умерщвлялись, этим инсургенты достигали двух целей — подчеркивали равнодушие западных стран к судьбам собственных граждан и их намерение продолжать мучить бедных иракцев даже ценой жизни своего населения. Таковая дилемма вызвала целый ряд скандалов в США и Европе, которые правительства еле-еле успевали глушить в информационном пространстве публичными жалобами и обвинениями инсургентов в живодерстве.

Подобные действия (рассматривать их этическую сторону мы не будем, посмотрим только на практическую) с точки зрения инсургентов могли быть лишь промежуточной мерой как в борьбе с оккупацией, так и в вопросе собственного развития. США предусмотрели восстановление только очень ограниченного числа инфраструктуры, которая и по сей день находится в плачевном состоянии, и вряд ли у них было намерение восстановить весь Ирак с привлечением иностранных специалистов. И даже если бы другие страны и отказались бы посылать своих граждан в страну, где живет настолько злобный народ, это все равно бы не решило вопрос с уходом США и установлением послевоенного режима. Поэтому данная акция (этической точки зрения опять не касаемся) была недостаточным средством борьбы с США, поскольку могла, да и то частично, решить лишь одну из поставленных задач — создать помеху в экономической политике противника и дискредитировать его усилия. Внешне, в сочетании с установлением контроля над городами и местностями, это могло выглядеть как путь к достижению цели и вытеснению противника с территории Ирака, но подобная стратегия несла в себе ряд функциональных недостатков — прежде всего, на это требовалось время и отсутствие мер противодействия со стороны американцев, например если бы они не решались идти на прямой штурм городов, опасаясь за жизнь мирного населения — но на мирное население «поборникам прав и свобод человека» было наплевать, так что надеяться на подобное было бесполезно. Что-то подобное могло бы сработать быстро в том случае, если бы действовали две равные по силе армии, а не армия страны, считающейся сверхдержавой и отряды, вооруженные, в лучшем случае, гранатометами. Прямое столкновение с такими разными возможностями закончилось бы неминуемым поражением более слабой стороны.

Выходом для инсургентов мог быть только целый комплекс мер, весьма растянутый во времени — доведение противника сначала до морального и политического поражения, затем до истощения экономических и военных ресурсов, и только лишь тогда можно было поставить его перед фактом подлинного и окончательного провала. Но для этого нужны были не только боевые усилия всех фракций, но и их общее видение ситуации и единое понимание своей роли в будущем Ирака — а его как раз не было. У каждого были свои амбиции и свои задачи.

Особенно ясно осознание сего факта, что в сложившейся обстановке и при реально имеющихся возможностях одним только боевым путем и военными завоеваниями не то что окончательного, но и даже прочного успеха не добиться, пришло только после поражения во Второй битве за Эль-Фаллуджу, когда город был разгромлен военными силами США, а инсургенты, понеся потери, были вынуждены оставить его. Многие восприняли это как болезненный удар и шаг назад после достигнутой высоты. Но вместе с этим стало ясно что на войне, тем более со столь сильным противником как США, удача переменчива, и полагаться только на военные столкновения нельзя, вытеснять оккупанта надо не только с боем, но и политически. Вопрос только так — или войти в созданные им институты власти и таким образом добиться своего, или же

разрушить всю созданную оккупантом политическую систему? В каком виде это все было реализовано мы поговорим позже, а пока же рассмотрим совсем практическую сторону вопроса.

5. О том, как инсургенты воевали в Ираке.

Как отмечает большинство наблюдателей, инсургенты в большинстве случаев избегали прямых столкновений с военнослужащими США, предпочитая действовать украдкой, с расстояния, с заранее подготовленных позиций и засад, поэтому для них большую роль играла разведка и сбор информации о передвижениях противника и особенностях его тактики. Как правило, при неблагоприятном исходе боя или сразу же после удачной атаки инсургенты исчезали с места столкновения, не стремясь взять под контроль какие-либо позиции, объекты, населённые пункты и оборонять их в дальнейшем.

В своей пропаганде американцы именовали подобную манеру вести бои «трусостью» и «подлостью» иракцев, однако на это есть резонное возражение — никто инсургентов насильно на войну не гнал, да и не обладал никогда такой возможностью, и потому все участие осуществлялось на добровольных началах. Будь они действительно трусами — то просто сидели бы дома, тем более что никто им в этом не препятствовал.

В боевой же тактике главную роль играли, конечно же, не подлость и трусость, а совершенно иные соображения — такие как малочисленность инсургентов, отсутствие у них достаточных запасов оружия и денег, проблемы с оказанием медицинской помощи раненым. Эти факторы вынуждали крайне внимательно относиться к собственной безопасности и избегать слишком рискованных ситуаций. Ещё следовало бы учесть, что 95% повстанцев являлись вчерашними гражданскими без боевого опыта или же с опытом незначительным. В силу этого они сознательно ставили себя в такие условия, в которых у них было бы значительное преимущество над противником — прежде всего за счет внезапности. И в силу этого они стремились поражать цель на дистанции, без необходимости с ней сближаться.

5.1. Ракеты и мины.

Одним из самых излюбленных видов атак был минометный и ракетный обстрел вражеских позиций. Выпустив некоторое количество снарядов с заранее подготовленного укрытия, инсургенты покидали место происшествия.

Обычно заранее разведав расположение базы противника и ее окрестности, инсургенты приезжали на выбранную позицию на автомобилях, мотоциклах и лёгких грузовиках, устанавливали минометы, прижимая мешками с землёй, чтоб они не сбивались отдачей, наводчик пристреливал минометы, обычно используя для этого геодезический инструмент. Чаще всего каждый миномет обслуживало 1 — 2 человека. После окончания стрельбы или при внезапно возникшей угрозе минометчики оперативно скрывались с места, уезжая на своем транспорте, или же прятались в окрестных домах, если дело было в городе, причем сами минометы и оставшиеся снаряды могли бросить прямо на

Стрельба из миномёта.

Транспортировка миномёта.

Инсургенты с ракетами.

Инсургенты заряжают самодельную ракетницу.

месте.

Чаще всего минометы использовались при неизбирательного обстрела вражеских позиций, для прикрытия атак или отступления, для освещения местности, для обстрела военных баз, кпп, складов и зданий. Также минометный огонь использовался для экстренного торможения вражеского конвоя, на который планировалась атака, либо для задержания подкрепления, спешащего на помощь к врагу.

В городских условиях иногда использовались минометы очень маленького калибра, из которых можно было стрелять прямо с рук — для атак по зданиям, штабам и скоплениям людей. Такой миномет вместе со снарядами спокойно помещался в рюкзак, хозяйственную сумку или в полиэтиленовый пакет.

Другим популярным оружием для произведения обстрела были ракеты и ракетные установки, используемые схожим образом и по схожим целям, но их использование было более сложным. Проблема заключалась в том, что самих ракет было гораздо больше, чем пусковых установок, и все время приходилось что-то придумывать касательно способов их запуска. Большой популярностью у инсургентов пользовались китайские одноствольные пусковые установки Тип-81, их иракский аналог «Наср-81», так же встречалась их иранская модификация «хасеб». Помимо них, встречались ракеты советского, румынского, югославского производства, а так же сделанные на их основе местные кустарные изделия.

Самодельные пусковые установки изготовлялись из металлических труб и прутьев самой разной конфигурации и назначения, поэтому они не отличались большой надежностью, использовать их было рискованно, так как из-за разрыва конструкции могли пострадать сами стреляющие. В силу этого для запуска ракет с подобных установок использовались дистанционные взрыватели. Изготовлялись они также кустарно, из оказавшихся под рукой частей бытовой техники, например стиральных машин, и автомобильных аккумуляторов.

Среди этих изделий порой встречались совершенно невероятные конструкции — шестиствольные, восьмиствольные и даже двадцатиствольные.

Почти все подобные установки имели общие недостатки — помимо небезопасности, у них была ещё и относительно небольшая точность стрельбы, как по причине изъянов самой конструкции, так и по причине отсутствия хороших наводчиков, использовались только самые примитивные методы наведения. Впрочем и в этом деле были свои профессионалы.

1. Девятиствольная самодельная пусковая установка для ракет.
2. Зарядка установки.
3. В готовом виде. Виден упор из мешков с землёй и шнур детонатора, тянущийся к аккамулятору

1. Самодельная пусковая установка примерно на 8 стволов.
2. Нижняя часть установки.
3. Взрыватель.

Инсургент нацеливает самодельную пусковую установку для ракет используя что-то похожее на компас.

Исходя из этих особенностей, весь ассортимент ракетных установок — от штатных до кустарных — использовался для нападений на крупные стационарные цели, такие как военные базы, аэродромы, склады, казармы, то есть такие, где не попасть куда-то в принципе крайне сложно.

5.2. СВУ (взрывные устройства)

Однако самым главным орудием инсургентов, которое нанесло наибольший урон армии США и их военной технике оказались СВУ — самодельные взрывные устройства. Для инсургентов их применение было наиболее доступным и безопасным, потому что не требовало присутствия большого количества людей на месте нападения, и позволяло наносить урон противнику, не неся почти что никаких потерь.

В начале войны применение СВУ началось с масштабного расхищения боеприпасов со складов саддамовской армии, по некоторым данным, неизвестно куда испарились 250 тысяч тонн боеприпасов. Предполагается, что как минимум часть из них попала в руки инсургентам и стала самыми первыми

СВУ в Ираке. Состояли эти конструкции из снарядов или ракет, соединённых между собой кабелем, которые проводил в действие притаившийся неподалеку подрывник, замыкающий электроцепь Подобные устройства были рискованны для использования, так как требовали близкого присутствия подрывника, потому что детонация производилась через шнур, и они отличались малой точностью и большим количеством осечек. Уже в 2004-2005 годах бывшие снаряды начали вытеснять самодельные устройства, состоящие из контейнера, наполняющего его взрывчатого вещества и детонатора. Проводились они в действие более безопасным способом — радиоуправлением, чаще всего по сигналу мобильного телефона, которые тогда уже имели в Ираке широкое распространение и были доступны для подобного творчества. Оператору взрывного устройства всего лишь надо было удерживать происходящее в поле зрения, что повышало его безопасность. Мобильные телефоны в итоге и стали наиболее доступным и простым для монтажа дистанционным взрывателем. Несколько позже стали появляться более сложные модели СВУ, где за счёт материала корпуса, конфигурации контейнера и состава взрывчатого вещества достигалась усиленная мощность поражения. Подобные взрывные устройства были более маленькие и лёгкие, чем изготовлявшиеся из снарядов их предшественники, так же многие из них не подлежали обнаружению минными тральщиками и другими средствами поиска. Большую часть своих потерь а Ираке, что в живой силе, что в технике, военные силы США понесли именно от взрывных устройств.

При этом разнообразные методы борьбы с взрывными устройствами, даже самые высокотехнологичные, особых успехов не приносили — индустрия изготовления СВУ развивалась гораздо быстрее чем методы борьбы с ними. Так, например большим скандалом с репутационными потерями кончилась широко разрекламированная кампания США по борьбе с взрывным

Минный тральщик в окружении живописного пейзажа.

устройствами в 2007 году, путем внедрения минных тральщиков. Как выяснилось, тральщики не только не находили взрывных устройств, но ещё и регулярно становились их жертвами.

По итогу наибольшую опасность начали представлять собой полностью самодельные взрывные устройства, а не изготовленые из снарядов и боеприпасов. Общепринято считается, что многие методы конструирования СВУ иракские повстанцы взяли из опыта участников боевых действий в Афганистане и Чечне, каких в их рядах было немало, а с течением времени изделия с течением дорабатывались и адаптировались под местные условия, результатом чего стали мощные и высокотехнологичные устройства, представлявшие из себя грозное оружие. По словам исследователей, если ИРА потребовалось 30 лет для того чтоб добиться высокого уровня применения радиоуправляемых СВУ со сложной конструкцией, то в Ираке этот путь был пройден всего лишь за год. Резонно предположить, что одной из причин этому стало участие в иракской войне добровольцев из арабских стран, имевших опыт боевых действий в Афганистане и Чечне, а также людей, обладающих широкими познаниями в области химии по причине довоенного образования. Так известно что один из самых известных иракских конструкторов взрывных устройств и человек, который довел минную войну иракских инсургентов до совершенства обладал образованием имеющим отношение к экспертной медицине.

Установка СВУ.

Выполняли эту задачу группы численность от 2 до 8 человек, передвигающиеся на автотранспорте, или же подобно селянам, на мотоциклах и тележках с осликами. При себе они имели сам снаряд, разнообразный сланцевый инструмент, а также средства для маскировки. Если установка первых СВУ часто требовала нескольких часов, то более свежие версии можно было поставить и за несколько минут, хотя срок зависел от места и характера установки. Каждая группа взрывников “отвечала” за свой участок территории, на котором она проводила подрывы. Место установки взрывного устройства присматривалось заранее, обычно выбирались такие участки дорог, где водители были вынуждены сбрасывать скорость. Особенно ценились воронки, оставшиеся от взрывов предыдущих СВУ и местности уже обработанные саперами. Взрывные устройства прятали в дорожных ямах, засыпая сверху землёй и камнями, или же сами делали такие ямы, большой популярностью для этих целей пользовались горы мусора вдоль обочин дорог — какие имелись в изобилии, поскольку с воцарением демократии вывоз отходов прекратился на долгие годы. По некоторым данным, для установки взрывных устройств использовались трупы людей и животных.

Установка взрывного устройства под асфальт не оставляя следов требовала особого искусства. Делалось это обычно по ночам или в любые другие безлюдные часы — на месте установки жгли покрышки или использовали

паяльную лампу для того чтоб расплавить асфальт, после чего рыли яму, закладывали туда СВУ, засыпали сверху асфальтом и ждали, пока он остынет. Визуально место установки можно было определить с большим трудом. Были в ходу и другие хитрости, как например установка сразу двух взрывных устройств — второе срабатывало тогда, когда к жертвам первого наконец-то приезжала помощь. Также подобное использовалось для нейтрализации минных тральщиков — пока тральщик обезвреживал одно СВУ, втрое благополучно его повреждало или уничтожало.

Минный тральщик нашел СВУ.
Холст, масло, Ирак.

Типы СВУ.

Данная тема долгое время была тайной за семью печатями — как именно инсургенты классифицируют свои изделия, и как они различаются в зависимости от назначения. Но перед самым финалом вывода войск США из Ирака одна из суннитских повстанческих групп решила поделиться с публикой своими профессиональными знаниями и на тот момент уже всеми признанным мастерством в этой сфере. Согласно этой информации, в результате долгой эволюции, под конец войны были в ходу и широко применялись следующие

виды взрывных устройств, обладающие большим поражающим действием, и недоступные для обнаружения большинством видов минных тральщиков:

1. *Мувжда* (ар. — волна, направленное действие) — взрывное устройство, направленное на одну конкретную цель, как правило крупную и хорошо защищенную, в том числе и броней. Самое мощное СВУ из всех существующих. Печальной известностью среди военнослужащих США и правительственной армии Ирака пользуется одна из разновидностей этого типа, с корпусом цилиндрической формы и наконечником в виде медной воронки, направленной верхушкой вниз. Взрыв от этой конструкции был такой силы, что прошибало огромные дыры в любой броне, а легковой военный транспорт типа хаммера или бронированных автомобилей вообще подбрасывало на несколько метров в воздух — оттуда и пошли иракские народные шутки про новую модификацию хаммеров «F-16» — мол летает не хуже истребителя.

2. *Дагат*. Этот тип взрывного устройства срабатывал от давления на него определенной массы, для чего оборудовался специальным датчиком. Самый простой из таких датчиков делался из двух металлических линеек с деревянными подкладками по краям — от давления определенного количества килограммов линейки соприкасались между собой, пропуская ток от батареи к детонатору. Этот тип СВУ устанавливался на дорогах, где помимо военного транспорта передвигались еще и гражданские автомобили. Такое взрыное устройство пропускало лёгкий автотранспорт и срабатывало на тяжёлые бронированные автомобили или военную технику.

3. *Асра, или же Ширак.* Эти СВУ были рассчитаны на пешие цели, такие как патрули и так далее. Работали по всем известному принципу «растяжки».

4. *аль-Лясака*. Второй наиболее печально известный тип иракских взрывных устройств. Отличается очень маленьким размером (чуть больше ладони взрослого мужчины) но при этом обладает колоссальной разрушающей силой. Чаще всего представляет из себя металлическую коробочку, наполненную взрывчатым веществом и поражающим элементом, с мощными магнитами по углам, которыми она крепится на цель — как правило на днище автомобиля под водительским или пассажирским сидением. Приводится в действие по сигналу с мобильного телефона. Назначение этого СВУ — точечная ликвидация нужных (ну или совершенно не нужных — это с какой точки зрения посмотреть) лиц, зачастую в самое неожиданное время и в самом неожиданном месте.

5. *Рахиба*. Этот тип взрывных устройств предназначался исключительно для ночного использования. Один из способов его изготовления — батарея питания на таймере, что отключается днём и выключается ночью. Такое СВУ может «лежать в засаде» достаточно долгое время, подстерегая неосторожно приближающийся конвой. Одна из особенностей рахибы заключается в том, что она может оставаться активной и представлять из себя опасность даже в течении нескольких лет.

6. *«Камуфляж»* — предмет внешне выглядящий как взрывное устройство, или же сам корпус СВУ, но без взрывчатого вещества внутри. Применялся следующим образом — торжественно водружался на самые видные места, специально чтоб его нашли, и тем самым обеспечить работой саперов на пару-тройку часов, а самим в это время заняться другими делами или же просто пойти отдохнуть. Наверное самый подлый тип СВУ из всех существующих.

В отдельных случаях для уничтожения тяжёлой военной техники, в первую очередь танков, использовались взрывные устройства особо крупного размера, которые монтировались в отдельной канистре или бочке. Известно так же, что применялись они вместе с ещё одной ёмкостью с зажигательным веществом. Установка таких снарядов отличалась особой опасностью — боец должен был поставить его рядом с целью или просунуть ей под брюхо, при этом не привлекая к себе внимания.

Весь этот арсенал, описанный выше, изготовлялся подручными средствами народных умельцев, но при этом наносил силам США не только потери убитыми и ранеными, но и немалый экономический ущерб, причем не только от поломанной техники — огромные средства тратились на предотвращение взрывов, на поиск и разминирование СВУ, на постоянное патрулирование местности, на попытки поймать самих бомбистов — и чаще всего впустую. Например в рамках компании по очистке Багдада и его окрестностей от

взрывных устройств и их изготовителей в 2007-2008 годах было убито и арестовано порядка 20000 иракцев. Однако взрывы не прекратились.

Ешё в середине 2004 года Пентагон выделил 6 миллиардов на борьбу с радиоуправляемыми взрывными устройствами. С 2003 по 2009 год армии США выделили 17,5 миллиардов долларов на борьбу с СВУ в Ираке и Афганистане. С одной стороны это свидетельствовало о серьезности проблемы, которую из себя представляли взрывные устройства, с другой — о крайне слабой эффективности борьбы с ними. Сказалось это и на инсургентах — один из руководителей одной из групп выстроил целую стратегию экономического и военного истощения сил США путем массированного применения взрывных устройств против американских военных.

5.3. Самое опасное оружие.

Второй вид самого убойного оружия инсургентов Ирака тоже стоил огромных жертв военнослужащим США и правительственной армии, внушая куда больший страх, чем СВУ. Причем ужас перед ним часто лишал противника разума, заставляя совершать массу необдуманных действий. Однако рассказ о нем мы начнём издалека — чтоб раз и навсегда снять все вопросы, мифы и спекуляции.

Несмотря на повсюду цитируемые разговоры о разграблении складов и огромных запасах оружия, полученных этим путем, общая картина по иракскому подполью была скорее обратная — оружие и боеприпасы часто были в большом дефиците и ограниченном запасе. Также отсутствовало достаточное количество людей, владеющих достойной боевой подготовкой для военных действий — все же не забываем, что большинство инсургентов были вчерашние гражданские. И, как мы уже говорили выше, самой логичной формой боевых действий в таких условиях были нападения из засады и обстрелы издалека укрепленных точек противника. Прямая атака на хорошо защищенные базы, кпп и позиции противника зачастую была инсургентам не по силам — слишком большая трата боеприпасов на такой бой, слишком большой риск потерь убитыми и ранеными, и при этом нет никакой гарантии успеха и вообще гарантии, что врагу будет возможно нанести хоть какой-то урон.

Однако базы громить все же хотелось, и для этого требовалось мощное оружие, пригодное для атаки на обширные, крупные и хорошо защищенные объекты и нанесения им серьезного урона. Из всего имеющегося под рукой, эффективнее всего был *муфахахат* — автомобиль или грузовик с установленным внутри большим количеством взрывчатки. Взрыв подобной конструкции мог нанести достаточно большой урон хорошо укрепленным позициям, и если не уничтожить их полностью, то хотя бы убить и ранить часть защитников, после чего объект становился лёгкой целью даже для слабовооруженных инсургентов.

Но оставался вопрос — а как доставить этот автомобиль к месту назначения, причем с высокой точностью? Просто припарковать и уйти вариант был

малоподходящий, тем более что американцы крайне подозрительно относились к любому постороннему транспорту у мест своего обитания. Подогнать, поставить, взорвать — все это надо было делать быстро, используя эффект внезапности. Вот тут то и начиналось самое интересное.

Не так был страшен муфахахат, как его водитель.

Способ этот нашли достаточно быстро, вот только понравился он далеко не всем, и был весьма спорным с общепринятой морально- этической точки зрения.

Рассмотрение этого противоречивого вопроса стоит начинать с отделения страшных баек от реальных фактов. Многочисленные рассказы о том, что *истишхади*, добровольных смертников, заставляли пойти на этот шаг зомбированием, гипнозом, угрозами, наркотиками, танцами с бубном против часовой стрелки и другими нестандартными способами, к действительности имеют крайне посредственное отношение, и скорее имеют своей целью объяснить западному обывателю подобный феномен, уложившись в рамки его мировоззрения. Однако же, если изучить как следует истории реальных истишхади, как это сделал автор данной статьи, то факты указывают на вещи совершенно противоположные. Автор придерживается мнения, что если мы

действительно хотим понять данное явление, то мы должны рассматривать его с точки зрения инсургентов и их мировосприятия, а не с позиции западных журналистов или телерепортажей.

Наверное это многих повергнет в шок, но никто никого в *истишхади* насильно не загонял, скорее наоборот их приходилось разгонять. Желающих совершить *истишхадийю* на добровольных началах было более чем достаточно, и самой распространенной причиной подобного решения была идейная убежденность и религиозное стремление очистится от грехов и попасть в Рай путем самопожертвования. В качестве одного из подтверждений этого можно привести данные т.н. «Синджарского списка» (захваченной США документации инсургентов в одноименном городе в мухафазе Нейнава) содержащего данные о 700 прибывших воевать в Ирак иностранных добровольцах. Каждый из них заполнял анкету о себе, своих навыках и намерениях. Как показал подсчет, 60% новобранцев изъявляли желание совершить *истишхадийю*. Остальные 40% видели себя в роли обычного бойца. Можно конечно объяснить это тем что каждому на границе приставляли к голове автомат и требовали поставить галочку напротив пункта «*истишхади*«, но такое объяснение не выдерживает никакой критики.

Так же из известных нам историй о инсургентах можно получить и такую информацию, что многим запрещали совершать *истишхадийю* из-за того что они могли быть более полезны в других делах, или же обладали более нужными знаниями и навыками. Так например известна история одного из повстанцев, который занимал должность в силовых структурах во времена Саддама, и с началом войны присоединился к инсургентам с намерением быть *истишхади*. Ему это сторого-настрого запретили, сказав что его знания и опыт принесут борьбе гораздо больше пользы, и ему не оставалось ничего кроме как подчиниться этому решению.

Причин, по которым люди готовы идти в *истишхади*, могло быть достаточно много, невозможно залезть в голову каждому и узнать подлинную суть его намерений, однако во всех случаях это было добровольное решение, принятое сознательно, исходя из тех или иных причин. Во всяком случае, инстинкт самосохранения — один из самых сильных у каждого человека, и для того чтоб совершить подобную атаку, то есть привести автомобиль в нужное место и активировать взрыватель, надо иметь очень твердую мотивацию, решительность и убежденность в своем действии. Что же касается наркотиков и тому подобного, то человеку находящемуся в состоянии наркотического опьянения невозможно совершить подобную атаку, как впрочем и любое действие, требующее внимательности, умственного и эмоционального напряжения. Испытания, проводившиеся в разных армиях мира, установили что людей под воздействием наркотиков невозможно использовать для каких-либо военных операций, так как поведение такого человека становится совершенно непредсказуемым, он перестает выполнять поставленную задачу и отвлекается на совершенно постороннее дело.

На отсутствие принуждения указывают и другие факты. Как известно из ряда источников, как со стороны инсургентов, так и со стороны США и правительственных сил Ирака, будущие *истишхади* в ожидании операции жили в обычных домах, участвовали в боевых действиях вместе с обычными бойцами, писали письма родным домой, в том числе и прощальные, и даже устраивали посиделки с пирушками.

Проблема тут скорее в существовании моральной и культурной пропасти между самими *истишхади* и теми, кто пытается о них рассуждать, то есть когда люди с совершенно другим мировоззрением пытаются рассматривать то или иное явление исходя из своих ценностей, в то время как мировоззрение и ценности с противоположной стороны баррикады могут кардинально отличаться, и ими могут руководить совершенно иные мотивы.

Чаще всего атака происходила так. *Истишхади* пригонял *муфахахат* точно к намеченной цели — на собрание сил противника, на базу, на въезд кпп, на автомобильную колонну и приводил взрывное устройство в действие. Если объект был хорошо защищен, то *истишхади* ехал к цели под огневым прикрытием в виде обстрела из автоматического оружия и миномётов, отвлекающим противника, вынуждающим его или прятаться в укрытие, или полностью сосредоточиться на подавлении огня.

Атака *истишхади* была столь неожиданна, а урон — настолько большим, что военнослужащие и командование США принимали множество усилий ради того чтоб уберечья от них. В основном это было возведение досмотровых зон возле кпп и защищенных объектов, постройка стен и заграждений, ну и беспорядочная стрельба по всем машинам, что казались подозрительными. Последнее привело к тому, что от беспорядочной стрельбы впавших в панику американцев погибло огромное количество мирных иракцев.

Подобные меры затруднили атаки *истишхади*, но не прекратили их полностью. Инсургенты начали использовать более сложные варианты, такие как описанное выше огневое прикрытие, или даже подкуп охранников объекта из числа иракских лоялистов США.

Как бы это страшно для многих не звучало, но атаки *истишхади* были очень эффективны и экономичны для тех, кто их проводил. Одна подобная атака своим результатом могла заметить полномасштабное нападение целого отряда, и достигнуть поставленных целей ценой жизни всего лишь одного человека, а не нескольких (единиц или десятков) убитых и раненых бойцов. Получалось что *истишхади* практически спасал от гибели и ранения своих товарищей, а свою группу — от лишнего расхода боеприпасов. В силу этого использовать истишхади было очень выгодно с военной точки зрения. Тем более что и желающих было предостаточно.

Вторым не менее распространенным способом нападения *истишхади* было использование пояса со взрывчаткой и поражающим элементом, надетым под

одежду. Таким образом производились атаки или на большие скопления людей, или когда была необходимость проникнуть внутрь укрепленного здания.

К слову сказать, использование *истишхади* вызывало большие споры среди разных групп инсургентов. Многие не практиковали такое, и советовали другим отказаться, поскольку это плохо сказывается на репутации среди мировой общественности. Вот только ярых сторонников этой тактики мнение мировой общественности беспокоило меньше всего.

5.4. Засады.

Еще одной излюбленной формой нападений инсургентов были засады на конвои сил США и правительственной армии Ирака. Техника этой операции была достаточно простая — она была взята целиком и полностью из учебников для иракской армии времен Саддама Хуссейна, и как оказалось ее было вполне достаточно для достижения успеха. Вся участники засады делились на три группы — штурмовую, то есть тех кто осуществлял само нападение, группу поддержки — тех кто проводил разведку, осуществлял огневое прикрытие тыла и флангов, и резерв, в чьи задачи входило атаковать тех кто спешил на помощь попавшим в засаду, отбивать контратаки, вступать в бой вслед за штурмовой группой или же прикрывать отход двух других групп. Подготовка и организация засад велась прежде всего с тщательной работой разведки и выбором места, где ландшафт и обстановка подходили лучше всего, позиции заранее подготавливались и маскировались. Также заранее исследовались и планировались пути к отступлению.

5.5. Бои в городах.

Городские бои инсургентов представляют особенный интерес, так как несмотря на разницу в силе и вооружении они смогли создать американцам значительные проблемы при попытке взять под контроль населённые пункты — как это было например в Первой битве за Эль-Фаллуджу, когда то, что предполагалось как быстрая зачистка города, внезапно переросло в полномасштабное сражение, к которому американцы оказались совершенно не готовы. Получилось так потому что ядро городской обороны составляли профессиональные боевики одной из групп, знакомые с принципом ведения партизанских действий в городских условиях, и бывшие военные из армии Ирака, что присутствовали в ещё одной группе, которые также смогли применить свои навыки, и поддерживать порядок и дисциплину. Сама же тактика городских боев заключалась в создании укрепленных позиций в наиболее подходящих домах и зданиях, такие как снайперские и пулеметные гнезда, а так же засады гранатометчиков, на улицах возводились баррикады. Особые проблемы американцам доставляла манера инсургентов разделяться на маленькие группы по 5-10 человек, производить внезапные атаки и тут же скрываться в хитросплетении улиц и переулков — плохо знающие город военнослужащие США не могли догнать нападавших и не

могли понять, откуда будет следующее нападение. Поэтому американское командование для того чтоб сохранить жизни военнослужащих, начало разрушать города подчистую, из-за чего мирные жители гибли сотнями, а убитых инсургентов было в лучшем случае 10-15% от общего количества жертв.

5.6. Снайперы.

На них делали большую ставку очень многие инсургентские группы — эти бойцы могли нанести противнику большой урон, при этом уйдя незамеченными. Препятствие было одно — для подготовки такого бойца требовалось очень много времени и усилий, и снайпером тоже мог стать далеко не каждый. Однако это не мешало некоторым группам обладать собственными снайперскими батальонами, а полумифическому снайперу Джубе — быть одним из самых массовых персонализированных образов иракского сопротивления.

Снайпер одной из групп инсургентов подстерегает военнослужащего США.

О действиях снайперов инсургентов известно мало, и в основном из обрывочных личных рассказов — за каждым снайпером «закреплялась» отдельная территория, по которой он должен был передвигаться и искать подходящие места для стрельбы и подходящие цели. Хорошими позициями для них были окна, балконы, крыши домов, лестницы, сады и рощи. Довольно часто снайперы использовались в городах и районах с большим присутствием противника.

Снайпер занял боевую позицию на пальме.

Снайперы редко делали больше одного выстрела по жертве, после стрельбы сразу же покидали позицию, могли оставить там и оружие, если был риск быть схваченными.

Конечно техника и стратегия инсургентов внешне выглядела слишком примитивной по сравнению с мощью США, однако она давала очень хорошие плоды. Армия США была готова к сражению с армией Саддама Хуссейна, но она и технически и морально оказалась не готова к войне с невидимым врагом, который появлялся так же внезапно, как и изчезал. Никаких иных способов противостояния партизанской войне кроме карательных операций и подкупов местных коллаборационистов американцы так придумать и не смогли.

Но оба этих средства, как и все технические и людские ресурсы армии США не позволили им добиться превосходства над инсургентами. А те времени зря не

теряли — подрывами и атаками они вытеснили американцев на их базы и в крупные города, потом начали атаковать города и административные центры, и в 2006-2007 годах США оказались на грани почти полного поражения в Ираке, после того как из-под их контроля выпали огромные стратегически важные районы и населённые пункты.

Военнослужащий США ищет пояс со взрывчаткой.
Повсеместные и унизительные меры безопасности только больше настраивали местное население против американцев.

Но… Но беспристрастная история 2007-2008 год запишет совсем иначе — как время наивысшего расцвета и мощи инсургентов Ирака, и одновременно - их поражения и начало их заката. Что же случилось и почему все так поменялось? Об этом и о причинах этого, а так же об общественной и политической деятельности инсургентов мы поговорим в следующей части нашего исследования.

6. «Суварийюн» и «ирхабийюн», разделяй и властвуй.

Заодно с концом 2004 года подошло к концу и первое лобовое столкновение инсургентов с армией США. Если объективно оценивать результат, то оно завершилось вничью. Американцам удалось изгнать инсугентов из городов, пусть даже ценой бомбежки белым фосфором, но им не удалось окончательно обезвредить это движение и ликвидировать его. Инсургенты же потеряли контроль над городами, и скатились с уровня местных властей до уровня влачащих полуподвальное существование групп, но вместе с этим они не исчезли, продолжили свои акции и приобретали все больше и больше влияния в умах населения, а на этом поле США были бессильны что-то сделать. Как это не было печально осознавать американцам, но мятежники среди масс имели гораздо больше популярности чем США и местные власти, и чем более активно действовала против оккупантов та или иная группа, тем большей народной любовью она пользовалась. И это была печальная реальность, с которой им приходилось считаться.

К печальной реальности необходимо добавить ещё несколько штрихов. На момент начала 2004 года США считали что привлекая на свою сторону шиитов и курдов они обеспечивают себе поддержку большинства, а мнение суннитского меньшинства можно и не учитывать. Однако год 2004-ый стал своего рода переломным, американцы поняли что и среди шиитов есть свои кадры, такие как Муктада ас-Садр, и среди суннитов тоже попадаются излишне смелые личности, способные доставить массу проблем своими делами, а группы суннитского сопротивления, способные вести грамотную партизанскую войну — оказались серьезным противником, искоренить которого чисто военным путем будет крайне проблематично.

Ещё одна ошибка США заключалась в том, что они плохо представляли себе принцип базирования инсургентов по городам и весям Ирака, и всерьёз считали что разгромив какой-то определенный город, например Эль-Фаллуджу, можно нанести повстанцам поражение, или же полностью ликвидировать их. На самом же деле инсургенты никогда не собирались всеми своими силами в одном месте, да и не имели такой возможности — поскольку все группы существовали в виде ячеек, разбросанных по северу, западу и центральной части Ирака, каждая ячейка предпочитала действовать в своей местности, какую она знала как свои пять пальцев, и без особой необходимости ее не покидала. Следовательно разгром какого-то города мог привести максимум лишь к победе над местным городским филиалом, и не более того.

Особенно техника разрозненного базирования была взята на вооружение после Второй битвы за Эль-Фаллуджу, когда две группы, на которые легла основная тяжесть боёв, понесли серьезные потери, и в очередной раз стало понятно что сосредотачивать большие силы в одном месте — это облегчать противнику их уничтожение одним ударом, в то время как множество мелких групп существенно затрудняют для США борьбу с инсургентами. Так же разделение

на ячейки создавало определенную безопасность от вмешательства местной полиции и оперативно-розыскной деятельности противника, которая чаще всего проявлялась в массовых арестах совершенно ни в чем не повинного местного населения в попытках найти затаившихся среди них партизан.

В силу этого бои между США и инсургентами в 2005 году можно кратко описать так: в местности Х инсургенты слишком сильно действовали. США снаряжали военную операцию в местность Х чтоб прекратить происходящие там нападения. Инсургенты, столкнувшись с превосходящими силами противника, переходили в местность У. Через какое-то время США получали информацию, что в местности У от инсургентов нет житья… и.т.д. Причем на каждую такую операцию тратились огромные силы и денежные средства, а результат от них проявлялся только в победоносных новостных сводках в средствах массовой информации. Но по факту все оставалось как прежде.

В связи с этим американцы разработали комплекс мер по исправлению ситуации, и в общем эти меры заключались в перенесении части американских обязанностей, а заодно и ответственности за них, на плечи своих местных союзников.

Предполагалось примерно следующее:

1. Создать иракские органы безопасности и передать им все полномочия по борьбе с партизанщиной, в том числе карательные операции и тюремную систему. Это должно было разгрузить армию США и оставить за ней решение исключительно военных вопросов, а заодно избавить американскую армию от ответственности за инциденты, подобные тем что были в тюрьме Абу Грейб.

2. С помощью новых сил безопасности, а если прямо — то опираясь на участие шиитского большинства, подавить суннитских повстанцев какими угодно мерами.

3. Поскольку существование суннитских повстанцев — факт, то необходимо привлечь наиболее умеренных из них, а так же цивильных суннитских лидеров к общественно- политической деятельности, к занятию своих ролей в нарисованном американцами сценарии иракской политики. Чтоб, с одной стороны, показать готовность американцев к компромиссам, с другой стороны — изолировать наиболее непримиримую часть инсургентов и маргинализировать ее.

4. Не позволять инсургентам взять под контроль населенные пункты и закрепляться на местности, отрезать их от источника финансирования и пополнения ресурсов, от внешних связей. Запугивать население, дабы оно не смело помогать мятежникам (см. пункт 2).

Этот план был очень хорош, логичен, он вполне трезво рассматривал возможности США и силы которыми они располагали, в нем было задействовано сразу несколько сценариев противодействия партизанским движениям. Но был у него один очень существенный минус — от реализации

данного плана обстановка в Ираке стала ещё хуже, причем настолько что все неприятности прошлого 2004 года оказались несущественными пробелами.

Пока армия США гонялась за инсургентами по иракской глубинке, новые силы безопасности, набранные преимущественно из участников шиитских боевых организаций, принялись за карательные меры против суннитского населения, поддерживающего инсургентов. Ирак захлестнул вал пыток, похищений, и того, что можно было назвать резней по конфессиональному признаку. Дело начало приобретать широкую огласку за пределами страны. Американцы сделали круглые глаза и сообщили что ничего не знали о присутствии шиитских фанатиков в рядах полиции (хотя есть многие доказательства тому что прекрасно они все знали и сами их же туда набирали). Шиитские бесчинства, по всем признакам похожие на военные преступления, США не пресекали, зато непрозрачно намекали суннитам, что только легальным участием в политическом процессе, прохождением суннитских кандидатов в иракский парламент они обеспечат себе защиту от шиитского произвола. Все, дескать, надо решать законным путем, а не раскалывать Ирак по конфессиональному признаку.

Инсургенты, вне зависимости от группы и идеологии, хорошо понимали что всю жизнь одними подрывами и засадами они прожить не могут, и нанести поражение США возможно только при активном участии в политической и общественной жизни страны, чтоб не оставить американцам никакой возможности влиять на Ирак. Вот только все это участие видели по-разному. Многие полагали, что заняв какие-то посты в правительстве или парламенте Ирака они смогут добиться более быстрых и более существенных успехов, чем в растянутой на много лет партизанской войне — с постоянными жертвами, кровопролитием и жизнью в постоянном страхе, видя рядом одну лишь смерть, без каких-либо гарантий на успех. После Второй битвы за Эль-Фаллуджу подобным образом стали думать очень многие — и если США не смогли уничтожить инсургентов физически, то постоянное моральное давление на них потихоньку делало свое дело.

И из-за этого разного понимания США смогли добиться цели, обозначенной в пункте номер три — внести раскол между инсургентами и столкнуть их между собой. Сначала противоречия возникли по поводу того, допустимо ли противостоять карательным отрядам силовыми методами, но весьма в умеренном ключе. Настоящий раскол произошел во время референдума по принятию конституции Ирака и последующих выборов — допустимо ли принимать в них участие? Ряд фракций постановил пойти на референдум по конситуции и проголосовать против нее, и так же сходить на выборы — проголосовать за суннитских кандидатов. Другие же фракции придерживались иного мнения — ни шагу вперёд в политический процесс. Несмотря на то, что таких групп было сразу несколько, общие аргументы их выглядели так:

1. Никакого участия в мероприятиях, проводимых оккупантами.

2. Любое участие в любом мероприятии проводимом оккупантами автоматически признает легитимность их власти и созданного ими марионеточного правительства.

3. Эти все ваши выборы, демократии, конституции, референдумы и.т.д. — вещь чуждая Исламу и мусульманам, навязанная неверными оккупантами, кто участвует в чем-то подобном — вероотступник и предатель, а кто организует — так тем более.

4. Никаких компромиссов с врагом, война до победного конца!

Разумеется все эти разногласия командиры групп обсуждали не на секретных совещаниях в узком кругу причастных лиц, а вели публичные дебаты, всенародно освещая свое мнение по вопросу, про это прознали американцы и решили — пора действовать. Проведя секретные переговоры с командованием ряда фракций в 2005 году (что стало известно по утечкам в СМИ, так как сами группы участие в подобном наотрез отрицали) США набросали проект соглашения с умеренными фракциями инсургентов, который выглядел примерно так:

1. Все инсургенты, какие есть, делятся на две категории «*суварийюн*» и «*ирхабийюн*».

2. «*Суварийюн*«, они же благородное сопротивление — за ними признавалось право вести вооруженную борьбу против присутствия США взамен за участие в политическом процессе как одна из фракций и согласия признать легитимность иракского правительста. Их бойцы считались военнопленными и к ним относились гуманно.

3. «*Ирхабийюн*», или банально — террористы С террористами предполагалось переговоры не вести, а бороться всем миром. Они не имели совершенно никаких политических прав, на них не распространялась никакая политическая и юридическая защита, «ирхаби» ожидали только или длительный тюремный срок, или смертная казнь. С юридической точки зрения они считались уголовными преступниками.

Разделяй и властвуй — лозунг известный со времён древнего Рима. Именно это разделение в итоге и стало началом конца инсургентов Ирака.

7. Начало конца.

На первых порах вцепляться друг другу в глотки инсургенты не спешили, прежде всего из инстинкта самосохранения — от США не было достаточной гарантии поддержки «*суварийюн*», «*ирхабийюн*» же вели бои на два фронта — с армией США и с шиитскими карательными отрядами, и третий фронт ещё и с коллегами по цеху был бы для них и вовсе нежелательным. Осложняло ситуацию и то, что сильные фракции имелись с обоих сторон конфликта, и чьей-то быстрой победой столкновение бы не завершилось. Несмотря на то, что мелкие стычки между обоими сторонами внутрисуннитского конфликта имели место быть с конца 2005 года, до больших баталий по описанным выше причинам дело не дошло. В том числе и потому что каждая из сторон пыталась увеличить и свой фронт поддержки среди населения и сделать свое мнение основным в суннитской общине, потому до поры до времени бои шли исключительно в области дискуссий, распространения своей точки зрения и попыток переубедить оппонента. И так было до тех пор, пока одна из сторон основательно не нарушила баланс и не начала семимильными шагами набирать мощь и влияние, да так, что напуганы были и американцы, и шииты, и «*суварийюн*» и даже некоторые впечатлительные террористы.

Началось все тихо и незаметно — и как всегда от привычки закрывать глаза на правду. США могли бы только радоваться тому, что их противники вступили в разлад друг с другом, но «*ирхабийюн*» не собирались сдаваться просто так, тем более что у них на тот момент была достаточно широкая народная поддержка и большое влияние среди людей — каковое обстоятельство то ли намеренно, то ли неосознанно упускали из внимания, больше делая акцент на американских успехах. Тем более то, что референдум по конституции, который все же состоялся, и выборы, куда сунниты явились в огромном количестве, побившем все рекорды (как то гласили официальные цифры и отчеты США) — в отличии от почти что проигнорированных ими прошлых выборов, могли бы свидетельствовать о победе американцев и сторонников политического процесса — и все это преподносилось как «убедительная победа над деструктивными террористическими идеями». Однако «*ирхабийюн*» ещё не сделали свой ход, они лишь только к нему готовились. А вот сделали этот ход они весьма эффектно, причем по сценарию, который стал большим сюрпризом.

В январе 2006 года «*ирхабийн*» осознав свои прошлые ошибки и решив что сила в единстве, объединили свои группы, создав там самым самую мощную из суннитских фракций.

В феврале нехитрыми провокациями сорвали тщательно проводимый США политический процесс, устроив в Ираке такой хаос, что было уже не до политики. Никому.

В марте начали ряд крупных операций по взятию территорий и важных городов в стратегически важных мухафазах. В апреле деятельность «*ирхабийн*» уже оформилось как полноценное военно-политическое движение со всеми характерными признаками. Пошли разговоры о штурме Багдада. Ряд американских аналитиков и политологов разговорили о том, что пора бы США спешно выводить войска из Ирака, пока ситуация не приняла совсем критический характер.

Летом «*ирхабийюн*» немного утихли из-за колоссальной потери в своем руководящем составе, из-за перегруппировок, из-за жестоких боёв с США, правительственными силами и шиитскими группировками, из-за мелких стычек

Двое ирхабийюн, один из которых снайпер, во взятом под контроль городе Рамади в аль-Анбар, сентябрь 2006 года.

с суннитскими группами — и все это внушало их противникам некоторую надежду на лучшее.

К осени «ирхабийюн» снова разочаровали надежды и чаяния своих противников — взяв под контроль обширные территории, они объявили их отделение от правительства Багдада и провозгласили себя отдельным государством (название мы не скажем, тем более что читатель скорее всего его очень хорошо знает).

С этого момента пошел процесс второго раскола среди инсургентов Ирака. На этот раз многие суннитские группы решили напрямую выступить против

«*ирхабийюн*» — потому что они теперь претендовали на лидирующую роль среди суннитских повстанцев, и потому что к «*суварийюн*» присоединились шейхи крупных племен (так называемая ас-Сахва), США пообещали прямую помощь некоторым из этих групп, а американские союзники из стран Персидского залива начали оказывать этим группам солидную финансовую и информационную поддержку за их войну против террористов, преподнося «*суварийюн*» как легитимную часть иракского повстанчества, заслуживающую поддержку в странах с мусульманским населением и не только, а их противников — как преступников и убийц, от действий которых становится только хуже. Дошло дело до того, что действиями «ирхабийюн» они стали оправдывать преступления, совершаемые американцами и шиитскими группировками против суннитов Ирака, преподнося их как «справедливую» реакцию на террористические атаки. Что было не только чем-то крайне абсурдным, но и просто аморальным даже со стороны здравой человеческой логики.

Пока же остановимся на том, к чему это привело.

1. Удалось столкнуть лбами две фракции, претендовавшие на лидерство среди суннитских инсургентов и проводившие больше всего атак на силы США. Впоследствии одна из этих фракций ослабла и перестала существовать, вторая же, изнемогая от ударов со всех сторон, провела стратегическое отступление в пустыню, чем уже во второй по счету (на тот момент) раз дала повод поговорить о своем окончательном поражении.

2. От групп инсургентов откололось множество командиров и рядовых бойцов, вступивших в ас-Сахву. Вопреки идеалистическим представлениям, далеко не все инсургенты были готовы сражаться до последней капли крови. Многих устраивало хлебное местечко при новом режиме как результат их усилий.

3. Несмотря на то что бойцы и отряды из числа некоторых групп продолжили атаки на силы США, количество их уменьшилось в разы по сравнению с тем же 2006 годом.

4. У многих настало полное разочарование в войне против американцев и полное нежелание бороться с шиитами и правительством Ирака.

«*Суварийюн*» пробовали создавать собственные альянсы и объединения, но большинство из них оказались или скоротечными, или же вовсе неработоспособными. В конце концов все они превратились в часть суннитской фракции иракского парламента, а многие и вовсе уехали из Ирака. Большинство фракций с трудом дождались конца 2011 года и окончательного ухода США из Ирака, чтоб заявить об окончании своего существования. Население, чья жизнь от всех этих выборов лучше не стала, видело в «*суварийюн*» часть правительственного аппарата и не более того. А с такой репутацией уже и инсургентом называть себя трудно.

8. Заключение.

Мы любим читать героические сказания о борьбе против оккупации, где люди поднялись против превосходящего силами врага и добились успеха. Любая народно-освободительная борьба рано или поздно обрастает целым ореолом таких вот историй и пафосных сказаний. Ничего плохого, на первый взгляд, в этом нет, тем более что это в общем-то естественный процесс. Но есть в этом и своя отрицательная сторона — читающие подобные истории люди привыкают рассуждать и думать в стиле и духе манифеста, при этом теряя как и реальную суть событий, так и адекватное понимание трудностей, стоящих перед их участниками, а заодно и выводы, которые можно из этих событий извлечь.

О достоинствах антиамериканского сопротивления Ирака сказано очень много, и поэтому в данной работе мы решили поговорить также и о недостатках — тех самых недостатках, что в итоге и привели к фактическому разгрому повстанческого движения в 2008 — 2009 годах. Сама суть конфликта, который дорого стоил всем, мы описали выше, а сейчас же мы более подробно остановимся на этом вопросе — недостатках и ошибках инсургентов Ирака. Многим конечно такая постановка вопроса не понравится, но факты вещь упрямая и от них никуда не денешься.

Итак, началась война и все желающие ушли в партизаны, или иным образом начали высказывать недовольство оккупацией США. Именно с этого момента иракское сопротивление и столкнулось с первыми своими проблемами:

1. Виртуальная реальность.

Классифицировать иракские группы можно было на действующие реально и существующие виртуально. Действующие реально нападали на американцев и их лоялистов, имеют в арсенале большой запас боевых сводок, фото и видеоотчетов о деятельности. Группы же существующие виртуально, имеют много заявлений касательно тех или иных событий, но редкую или вовсе отсутствующую документацию их действий, а были даже и такие, кто просил бойцов реально действующих групп снять для них видео с боями за деньги. В итоге никакого справедливого разделения труда на повстанческом фронте не было, и вся борьба велась скромными силами нескольких групп, под наблюдением зрителей и желающих приобщиться к происходящему — при печальном отсутствии реального содействия.

2. Разброд и шатание.

Как мы уже разобрали, мнение, которое в свое время бытовало в русскоязычной прессе, о том что все иракские инсургенты так или иначе являются лоялистами Саддама Хуссейна, совершенно далеко от реальности — приверженцев Саддама

среди инсургентов было как раз меньше всего, и инсургентов вообще нельзя было отнести к сторонникам каких-либо общих взглядов. Среди них националисты, ихвановцы, джихадисты, местная самооборона и просто любители приключений. Так же в войну активно включился и местный криминальный элемент. Это пестрое собрание так и не смогло выработать какой-то единой скрепляющей идеи, кроме нападений на американцев здесь и сейчас, и не имело каких-либо ясных планов на будущее.

То есть планы на будущее были, но крайне своеобразные. Подавляющее большинство намеревалось изгнать оккупантов из Ирака — а там видно будет. И дальше этого они в политику не вникали.

Чуть более дальновидные видели устройство Ирака в виде выборов, парламентской республики, и множества партий, часть из которых, по их мнению, должны были составлять как раз те самые фракции инсургентов. Естественно что не все — чтоб люди плохого не подумали, из этого перечня исключались заметные представители режима Саддама, по причине их замешанности в репрессиях против курдов и шиитов, «ихрабиийюн» (совсем уж явные террористы) и прочая нерукопожатая местная общественность. На таком фоне выводилась возможность переговоров и компромиссов с США и правительством Ирака, в том случае если они примут эти условия.

И ладно бы, если помянутая выше нерукопожатая общественность в лице «*ихрабиийюн*» являлась какими-то местными маргиналами, но они представляли собой очень весомую и активную часть инсургентского движения, и делать что-то через их голову было весьма проблематично. С их стороны тоже начали появляться альтернативные проекты, часть из которых предполагала войну с оккупантами и их подручными до победного конца. Потом «ирхабийюн» пошли еще дальше, и помимо борьбы с оккупантами поставила целью захватить власть в Ираке — для разминки, а так же разрушить враждебный миропорядок в масштабе всего региона.

Помимо этого, были разногласия и не было единой позиции и по более мелким вопросам, как например:

1. Иракцы на службе США — нападать или нет?

2. Выборы и прочие политические мероприятия — участвовать или нет?

3. Шииты — пресекать ли беспредел шиитских карательных группировок и антисуннитского шовинизма — или это нарушает единство Ирака, и кто это делает — тот враг народа и вредитель?

4. Компромиссы с США и их ставленниками — можно или нет?

Данное положение, как мы говорили выше, и позволило американцам стравить фракции инсургентов друг с другом, что в итоге привело к их ослаблению и уничтожению, а так же к многочисленным расколам в их рядах.

3. Командовать парадом будет…. ???

В силу упомянутого в предыдущем пункте положения дел иракским инсургентам не удалось добиться не то что единого военного руководства, но и сколь-либо прочной и постоянной координации между группами. Все подобные альянсы (за одним-единственным исключением) носили временный и спонтанный характер, и разваливались спустя небольшой срок. В итоге количество скоординированных операций за всю историю войны можно было пересчитать по пальцам, все остальное время каждый воевал как ему вздумается, следуя лишь одному ему известной военной стратегии.

В силу этого катастрофически терялась эффективность боевых действий инсургентов, особенно критически это сказывалось, когда им приходилось сталкиваться с масштабными и организованными военными операциями США против них. Самый яркий и самый трагичный пример — Вторая битва за Эль-Фаллуджу, где большая часть обитающих в городе групп отказалась участвовать в предстоящем бою, аргументируя это тем, что «слишком опасно» и покинула город. Защитников оказалось гораздо меньше, чем то предусматривал план обороны — всего несколько сотен бойцов двух групп, с подкреплением из местного ополчения. Против противостоящих сил США, имевших многократное преимущество, повторить успех Первой битвы за Эль-Фаллуджу не было совершенно никаких шансов. Удивительно даже то, что сопротивление продолжалось целый месяц, а не закончилось в ближайшие пару дней.

Несмотря на то, что часть защитников города смогла выжить и выйти из окружения, оборонявшие Эль-Фаллуджу группы понесли тяжелые потери убитыми и военнопленными. Особенно критичными потери стали для первой из этих групп — после битвы она перешла в разряд второстепенных. У второй группы ситуация была немного получше — в Эль-Фаллудже была сосредоточена лишь часть их бойцов, остальные были разбросаны по всему северному Ираку. Те же, кто находились в Эль-Фаллудже, столкнулись еще и с многочисленными нападками и моральным давлением со стороны коллег по обороне, требовавших от них покинуть город, или в полном составе сдаться американцам. Группа эти требования исполнять наотрез отказалась.

Из такого положения можно сделать печальный вывод — раздробленное, не имевшее единого военного руководства или хотя бы координации, повстанческое движение Ирака было неспособно проводить какие-то более масштабные мероприятия чем партизанская борьба, и не могло во всеоружии противостоять возникающим угрозам. Со временем, многим война стала казаться безнадежной, и мысли о компромиссе с США и правительством Ирака становились все более привлекательными.

4. С дырками в кармане.

В героических сказаниях вопрос презренного металла упоминается вскользь, однако без финансового ресурса никакая деятельность невозможна, поскольку траты на разнообразное вооружение и содержание бойцов неизбежны, а внушительными денежными запасами никто не обладал. Одной из особенностей повстанческого Ирака было то, что никто благодеятельствовать друг друга бесплатно не спешил, и возникал вопрос — где эти деньги взять?

Добровольные пожертвования от нищего населения носили скорее чисто символический характер, и многие группы отправились искать спонсорской помощи за пределами Ирака — у Саудии, Катара и даже России (напрасно). Определенную финансовую помощь извне получить удалось — но позднее это обернулось для групп большими проблемами, когда на спонсоров надавили США, и те вынудили группы отказаться от вооруженной борьбы, участвовать в политических процессах, искать договоренностей с американцами и принимать участие в военных действиях с другими группами, считавшимися терррористическими. Отказ означал прекращение всякой поддержки от спонсоров, и следовательно — прекращение существования группы. Таким образом внешняя помощь, особенно от стран Залива, оказалась бесплатным сыром в мышеловке.

Имелся и альтернативный вариант, для тех кому никакая спонсорская помощь не светила в силу или идейных соображений, или жуткой репутации. Похищение членов семей тех, кто сотрудничал с США за внушительный выкуп, рэкет, экспроприации, грабеж банков, контрабанда, перепродажа оружия другим группам и даже автоугоны, заказные убийства. Все это давало стабильный доход, зато крайне отрицательно сказывалось на репутации, и давало повод для разговоров на тему что мол для некоторых (не будем показывать пальцем) война с США всего лишь повод, а настоящая цель — это обогащение любыми путями, преимущественно незаконными.

Насколько морально или аморально заниматься криминалом — это каждый решает в меру своих этических норм, и конечно это не имеет ничего общего с высокими идеалами. Однако самостоятельный доход давал право на самостоятельную политику, и в силу этого Ирак помимо войны с американцами, сотрясал и вал криминальных разборок с участием разнообразных мафий, некоторых фракций инсургентов и международного криминалитета, в силу чего Ирак в нулевые очень мало чем отличался от СНГ в девяностые.

5. Местное население.

Зачастую инсургенты очень настороженно относились к местному населению. И на это был свой резон — любой вроде бы дружественно настроенный мирный житель в один прекрасный момент мог пойти и сдать всех в полицию или американцам — польстившись на награду, или из личных мотивов. Случаи подобного характера имели место быть достаточно часто, и потому многие

группы инсургентов, в заявлениях рассыпавшиеся в любви к иракскому народу, в жизни вели себя с этим народом очень даже неласково. Обычно в ход шли угрозы, запугивания по отношению к местным жителям, удержание заложников, поиск виновных в доносительстве и расправы с ними. Делалось это конечно не из ненависти к людям, а к желанию обезопасить себя от неожиданного предательства.

Осложняло дело то, что в борьбе с американцами тем или иным образом участвовало порядка 15% населения, остальные же пытались хоть как-то выжить, в силу этого опасались любых людей с оружием, а правительство с американцами казались многим из них приоритетной целью для дружбы или хотя бы для нейтральных отношений, во избежание неприятностей. Многие другие пытались попеременно угождать то тем, то этим, в надежде таким образом спасти свою жизнь. Такое положение рождало взаимное недоверие между мирными иракцами и инсургентами, что порой приводило к инцидентам.

Много проблем добавляло и то, что мирные жители становились нежеланными и случайными жертвами в столкновениях между американцами и повстанцами, а так же в ходе различных диверсионных действий повстанцев. Что использовала пропаганда США, выставляя повстанческое движение враждебным для самих же иракцев. Таким же образом американская пропаганда выставляла убийства и казни предателей и осведомителей оккупационных сил как «немотивированные убийства невинных гражданских».

В ответ же группы постоянно выпускали заявление что они не убивают мирных намеренно, разве что случайно, если они сами лезут куда не следуют, некоторые утверждали что и вовсе у них ни разу такого не случалось. Правда же заключалась в том, что хоть со стороны повстанцев побочного урона в лице мирных жителей было в разы меньше, чем у американцев, полностью его избежать было невозможно.

6. Вход свободный, выход платный.

Было так, что многие вступали в ряды инсургентов от нечего делать, пылая романтикой народной борьбы, или за компанию с кем-то, смутно представляя с чем им придется столкнуться, и какие трудности и опасности могут ждать на этом пути. А поскольку жизнь у инсургентов была действительно нелегкая, то в основном за счет вышеописанных типажей возникало такое явление, как дезертирство из рядов групп. Явление это старались пресекать всеми силами со стороны командования групп, чаще всего — путем угроз расправиться не только с самим дезертиром, но и с его семьей. И угрозы эти были вовсе не пустые.

Убийство дезертиров и их родственников мужского пола — этим занимались многие группы иракского сопротивления, причем, что парадоксально, очень даже умеренного характера, правда не особенно широко афишируя этот факт. Сколько погибло людей в результате этих расправ — никакой статистики нет,

как и приблизительных цифр, однако явление это было очень расспостраненное. Если кто-то все же покидал группу, то он тут же пускался в бега, меняли место жительства и скрывались его родственники. Но справедливости следует сказать, что некоторые группы (причем весьма радикальные) начинали преследовать дезертиров только тогда, когда те явным образом начинали вредить своим бывшим товарищам и действовать против них, и их родственников, если они были замешаны в том же самом.

Сама мера результат дала — дезертиров стало гораздо меньше, если кто-то и покидал группу, то путем «официального увольнения» у командования, но не всегда была благоприятной, потому что с уменьшением числа дезертиров росло число отрицательного балласта в рядах групп, причем даже находились желающие продаться врагу ради обеспечения безопасного ухода в мирную жизнь. Со времнем кадровая политика так же потерпела изменения в сторону «ушел, ну и ладно», и прекращением преследования дезертиров и их родных.

Война (любая, даже иракская) это не сказка и даже не художественное произведение о этой войне. Это большая боль, большие трудности, большие проблемы, причем проблемы эти не имеют каких-то простых и очевидных решений — или же имеют, но только для тех, кто читал или слышал о них, но вживую не соприкасался. Люди, столкнувшись с ежедневными испытаниями и потерями, начинают искать более лёгкие, как им кажется, пути. Многие ломаются морально. К сожалению, это те ситуации, которых невозможно полностью избежать. Особенно тогда, когда становится понятно, что быстрого финала у войны не будет, это не сказка и не фильм, где обеспечен счастливый конец, а враг — слишком силен.

Основной ошибкой инсургентов Ирака, из всех что были уже названы, наверно всё же стоит назвать отсутствие единой идеи, единого командования и единой стратегии, и неспособность к этому придти.

Но главное достоинство инсургентов Ирака — ясный пример того, что даже маленькая группа может успешно воевать против более сильного врага. Да, эта война не станет лёгкой, она будет тяжёлым испытанием — но это возможно. Да, это кажется невероятным — но это возможно, добиваться своего, не идя на компромисс. Да, это возможно — нанести удар сверхдержаве и самим выстоять от ее удара. И более того — нанести удар ответный.

Потому, даже несмотря на все ошибки и промахи маленьких и слабых инсургентов можно сказать одно — во многом из-за них вся политика США в Ираке, все планы и хитрые ходы обернулись провалом, что давно признали даже сами американцы.

Но и не надо забывать то, что очень легко говорить о ошибках и успехах инсургентов тогда, когда в твой дом не вторглись захватчики, не пришлось пережить оккупацию и длительную войну в которой не будет быстрой победы без потерь. В такой ситуации легко рассуждать о том что правильно, а что нет. И

никто не сможет дать за себя гарантию, что он сам поведёт себя правильно и безошибочно, оказавшись в подобном положении — и что вообще будет сражаться с захватчиками, а не бежать куда подальше.

Не забывайте нас в своих дуа!

الملحمة
أحداث

